

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсц. . . 4 р. — к.
Отдѣльн. номера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсц. . . 6 р. —
на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею

на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. П.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Поварской пер. д. 5, кв. П, а
также въ книг. маг., Вол-
фа, Иев., Гостиц. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Устроителю быта переселенцевъ въ Сибиріи.—Хроника.—Корреспонденціи: съ Китайской границы, изъ Владивостока, Иркутска и Витимской волости.—Алтайскія дѣла (письмо въ редакцію). Алтайца.—Макаръ (изъ жизни епископской тайги) продолженіе. Л. Ф. Понте-тсви.—Всходы сибирской поэзіи «Пѣсни жизни» стихотворенія Омудевского (И. В. Федорова).—Хроника жизни за недѣлю.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1884 Г.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ ВЪ СИБИРИ.

Разсматривая колонизаціонный вопросъ и его значеніе для края, мы не разъ указывали на обязанность сибирскаго общества придти на встрѣчу переселенцамъ и оказывать имъ содѣйствіе и помощь. Тоже самое развиваетъ и мѣстная сибирская печать. Въ настоящее время эти желанія начинаютъ отчасти осуществляться на практикѣ.

Увеличившійся притокъ переселенцевъ нынѣшнимъ лѣтомъ и отправка ихъ изъ Тюмени на баржахъ выдвинули особыя заботы и вотъ въ настоящее время въ Тюмени основанъ первый благотворительный комитетъ для помощи переселенцамъ, а томская администрація подняла вопросъ объ облегченіи прибывшимъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ и устраниеніи незаконныхъ поборовъ. Обо всѣхъ этихъ мѣрахъ, имѣющихъ для края весьма важное жизненное значеніе, не могутъ умалчивать долѣе образованные сибиряки, лица, заинтересованные колонизаціей окраинъ, и мѣстная печать. Опѣнку значенія переселеній для Сибиріи, а также тѣ практическія мѣры, которыя могутъ служить для облегченія переселеній, мы находимъ сгруппированными въ публичной рѣчи, сказанной А. И. Ефимовымъ 10-го іюля въ г. Тюмени. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ лекторъ о современномъ движеніи переселенцевъ чрезъ Тюмень.

«Ежегодно съ наступленіемъ навигаціи Тюмень, а за нею и другіе сибирскіе города являются свидѣтелями того, какъ многочисленныя партіи переселенцевъ российскихъ губерній тянутся длинной вереницей въ Сибирь, разыскивая себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Движеніе это продолжается уже многою годы и чтобы дать вамъ понятіе о его размѣрахъ, достаточно привести цифры, относящіяся только къ Тюмени за послѣдніе три навигаціи. Въ навигацію 1881 г. на пароходахъ одного товарищества Курбатова и Игнатовыхъ было перевезено въ Томскъ 1,286 взрослыхъ переселенцевъ и 324 дѣтей, всего 1,610 человекъ; въ навигацію 1882 г. на пароходахъ того-же

товарищества было отправлено взрослыхъ 1,740, дѣтей 530, всего 2,270 человекъ, да на пароходахъ Тюфина и Плотникова 1,350 чел. Наконецъ только за май мѣсяцъ настоящаго 1883 г. число переселенцевъ, прошедшихъ чрезъ Тюмень, доходитъ до 4,000 человекъ».

Указавъ за тѣмъ на значеніе эмиграціи и колонизаціи вообще и для Сибиріи—въ частности, какъ страны, крайне заинтересованной въ увеличеніи населенія, г. Ефимовъ, изложивъ различныя мѣропріятія по отношенію къ переселенцамъ, останавливается на слѣдующихъ вопросахъ сопутствующихъ переселенію:

„а) выходъ переселенца изъ общества, къ которому онъ принадлежитъ и ликвидація его хозяйства въ Россіи, б) выборъ мѣста, куда переселиться, в) переездъ и д) водвореніе на новыхъ мѣстахъ.

„Рѣшеніе перваго вопроса есть дѣло чисто правительственное. Нельзя не пожелать упрощенія весьма сложной процедуры увольненія переселяющагося крестьянина изъ общества, точно также какъ и преобразованія нашей податной и паспортной системы, являющихся въ значительной степени причиной этой сложности. Но такъ какъ и при настоящихъ условіяхъ увольненія, переселенія все-таки совершаются, и такъ какъ непосредственный къ нимъ интересъ начинается для Сибиріи лишь съ того момента, когда переселенцы появляются по сю сторону Урала, то, не останавливаясь на первомъ вопросѣ, мы перейдемъ къ слѣдующимъ тремъ, въ рѣшеніи которыхъ, какъ я постараюсь показать, частныя лица и общества могутъ принять большое участіе.

„Выборъ мѣста для переселенія представляетъ очень важное обстоятельство, опредѣляющее, можно сказать, все будущее хозяйство и жизнь переселенца. Малороссъ, поселившійся въ средней Сибиріи, будетъ представлять, конечно, очень жалкое явленіе: не найдя въ новомъ мѣстѣ привычныхъ для себя условій, онъ будетъ обреченъ на трудное и ненужное приспособленіе къ новому климату и землѣ; между тѣмъ, какъ, понавъ въ Семирѣченскую область или Бухтарминскій край, онъ найдетъ ту же Малороссію, и переходъ къ новому хозяйству произойдетъ для него безъ всякихъ потрясеній. Итакъ для переселенца, собирающагося въ Сибирь, очень полезно указаніе, въ какой подходящій по климатическимъ условіямъ районъ Сибиріи ему лучше всего отправиться. Метеорологическія наблюденія, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ Сибиріи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ въ ней, опытъ котораго былъ сдѣланъ тоже повсемѣстно,

позволять, мнѣ кажется, и теперь приблизительно опредѣлить мѣстности Сибири, соотвѣствующія той или другой сельско-хозяйственной полосѣ Россіи. Подобнаго рода свѣдѣнія, изданныя въ видѣ небольшой справочной книжки, можно было бы распространить между крестьянами тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ переселеніе проявляется замѣтно, точно также какъ и имѣть ихъ въ переселенческихъ справочныхъ пунктахъ, устроенныхъ въ пунктахъ, черезъ которые проходитъ особенно много переселенцевъ, и о которыхъ я буду говорить далѣе. Кромѣ того переселенія слѣдуетъ по возможности направлять въ такія области, гдѣ земледѣіе не встрѣтится и не повлияетъ вредно на другіе роды хозяйства, не могущіе существовать съ нимъ совмѣстно, но не менѣе полезные. Итакъ, въ переселенческомъ движеніи должна быть проведена, мнѣ кажется, извѣстная система, не доходящая, конечно, до мелочнаго распорядка, до указанія напередъ пунктовъ для поселеній, но все-таки направляющаго теченіе переселеній къ выгодѣ какъ самыхъ переселенцевъ, такъ и народнаго хозяйства страны во всей его совокупности.

„Перехожу къ вопросу о передвиженіи переселенцевъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы какъ сибирскія, такъ и російскія пароходства, перевозки переселенцевъ, устроили особыя баржи для перевозки ихъ за удешевленную плату вмѣстѣ съ телѣгами и лошадьми. Въ настоящее время переселенцы, занимая сплошь всю палубу парохода, не имѣютъ возможности брать съ собой ни того, ни другаго, между тѣмъ, какъ въ длинной и полной случайностей дорогѣ переселенцу важнѣе и важнѣе имѣть при себѣ телѣгу и лошадь, чѣмъ лишніе рубли. Баржи эти, конечно, должны быть снабжены походными аптеками и фельдшерами. Кромѣ того, въ городахъ, гдѣ проходятъ и останавливаются партии новоселовъ, необходимо устроить для нихъ, и лучше всего за городомъ, особыя станціи. Станціи эти могутъ быть простыми общирнымъ сараемъ; дающимъ лишь пріютъ отъ непогоды и возможность сварить какую нибудь пищу и испечь хлѣбъ. Устройство подобнаго сарая не можетъ дорого стоить и во многихъ мѣстахъ для этой цѣли могъ бы быть приспособленъ старый нѣсколько передѣланный кирпичный сарай Городскихъ обществамъ, а гдѣ есть пристани, то и пароходовладѣльцамъ, слѣдовало бы взять устройство этихъ станціи на себя; пароходовладѣльцамъ потому, что переселенцы будутъ ихъ вѣрными пассажирами, городамъ—потому, что въ переселенческихъ партияхъ, и особенно между дѣтми, нерѣдко развиваются болѣзни, которыя при скучномъ размѣщеніи переселенцевъ по частнымъ квартирамъ на окраинахъ города могутъ быть легко переданы и городскому населенію; такъ мнѣ извѣстно, что два года назадъ во время переѣзда отъ Тюмени до Томска въ одной парти переселенцевъ умерло 32 ч. дѣтей отъ осы, что на одной баржѣ нынѣшнимъ лѣтомъ было доставлено въ Томскъ 80 больныхъ и что въ Тюмени были случаи заболѣванія занесенными переселенцами болѣзнями; понятно, какія пагубныя послѣдствія можетъ имѣть это для города, если переселенцы не будутъ помѣщаемы отдѣльно. Къ тому же сосредоточеніе всѣхъ переселенцевъ въ одномъ мѣстѣ позволило бы правительству, и легче, чѣмъ теперь, оказывать нуждающимся изъ нихъ врачебную и всякую другую помощь.

„Намъ остается еще рассмотреть послѣдній вопросъ о водвореніи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Многимъ переселенцамъ удается устроиться хорошо и письма, которыя они пишутъ на родину, бывають часто поводомъ къ новымъ переселеніямъ оставшихся въ Россіи ихъ земляковъ. Но не рѣдко имъ приходится терпѣть и большія лишения, прежде чѣмъ приписаться къ какому-нибудь обществу и обзавестись хозяйствомъ. Скажу для примѣра, что по дознанію, произведенному въ концѣ 1880 г. по распоряженію томскаго губернатора, оказалось, что въ селеніяхъ округовъ Війскаго и Барнаульскаго проживало въ ожиданіи причисленія къ обществамъ 3,972 семьи, что часто крестьянскія общества запрашиваютъ съ новыхъ членовъ за пріемные приговоры непомѣрно высокія цѣны, рублей по 50 и болѣе съ души, что вслѣдствіе невозможности сразу завести свое хозяйство, переселенецъ бываетъ вынужденъ поступать въ работники къ крестьянину или переходить съ одного мѣста на другое, пока наконецъ не пріичтеть себя прочной обѣдлости.

„Въ видахъ облегченія поселеній г. Ефимовъ указываетъ необходимость отмежевать имъ участки для поселеній. Было бы полезно, чтобы ходки снабжались отъ подлежащихъ властей открытыми ли-

стами къ мѣстамъ и лицамъ въ Сибири, съ которыми имъ придется имѣть дѣло, и имѣли бы право отъ имени своихъ довѣрителей заключать формальное условіе съ обществами о пріемѣ имѣющихъ переселиться крестьянъ. Подобное заблаговременное условіе могло бы, мнѣ кажется, оградить переселенцевъ отъ той экзигуаціи, которой, какъ я уже говорилъ, они иногда подвергаются въ первое время послѣ прибытія. Слѣдовало бы также назначить въ тѣ мѣста, куда особенно направляется переселеніе, особыхъ правительственныхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежали бы заботы объ отводѣ переселенцамъ земель и устройствѣ ихъ на мѣстѣ и ходатайства, въ случаѣ нужды, о необходимыхъ для нихъ льготахъ и пособіяхъ отъ казны. На такую дѣятельность несомнѣнно охотно пошли бы люди знающіе и дѣльные. Столь же необходимо, наконецъ, и ассигнованіе правительствомъ особыхъ суммъ на выдачу разнообразно пособій нуждающимся переселенцамъ при водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ.

„Въ заключеніе, говорить г. Ефимовъ, скажу нѣсколько словъ объ участіи, какое можетъ принять Тюмень въ переселенческомъ вопросѣ. Я уже говорилъ въ началѣ чтенія о томъ вниманіи, съ какимъ относится къ эмиграціи портовые города Европы и Америки. Тюмень есть тоже въ своемъ родѣ портъ Сибири, въ которомъ сходятся два обширныхъ водныхъ пути по Иртышу и по Оби, и ея географическое положеніе неизбежно заставляетъ ее содѣйствовать, насколько это ей возможно, переселенческому движенію. Я могу съ удовольствіемъ сообщить вамъ, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ выше предположеній находятся уже на пути къ осуществленію: такъ И. И. Игнатовымъ строится особая баржа для перевозки переселенцевъ съ телѣгами и лошадьми; кромѣ того, вмѣстѣ съ другими пароходовладѣльцами, онъ намѣренъ нынѣшнимъ лѣтомъ выстроить для переселенцевъ станцію, необходимую для которой землю городъ, конечно, не откажетъ отвести. Даи Богъ, чтобы начинъ Тюмени нашель отзывъ и въ другихъ пунктахъ переселенческаго тракта, каковы Пермь, Екатеринбургъ и Томскъ. Въ дополненіе ко всему этому мнѣ представляется чрезвычайно полезнымъ основаніе въ Тюмени и упомянутыхъ выше городахъ изъ лицъ интересующихся этимъ дѣломъ общество для помощи переселенцамъ. Добывая средства, какъ-и въ частныя общества, путемъ членскихъ взносовъ, лекцій, спектаклей и т. п., общества эти должны оставить себѣ цѣлью, черезъ завѣдующій ихъ дѣлами комитетъ, оказывать нуждающимся переселенцамъ помощь и врачебное пособіе и быть посредниками между ними и пароходовладѣльцами; точно также комитеты эти могли бы собирать свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ и давать переселенцамъ совѣтъ въ дѣлѣ выбора мѣста, представляя изъ себя, такимъ образомъ, и переселенческой справочной конторы. Проектъ устава подобнаго общества въ Тюмени, подписанный нѣсколькими учредителями, уже представленъ на утвержденіе правительства; въ ожиданіи этого г. тобольскій губернаторъ разрѣшилъ учредителямъ образовать временный комитетъ для пособія переселенцамъ и началъ пріемъ жертвованій. Комитетъ этотъ подъ предѣльствомъ И. И. Игнатова уже открылъ свои дѣйствія. Смѣю думать, что въ Тюмени найдется полное сочувствіе этому дѣлу, и полагаю, что женщины могутъ принести особенную пользу въ дѣлѣ непосредственной помощи переселенцамъ и преимущественно ихъ дѣтямъ. Участвуя такъ или иначе въ этомъ дѣлѣ, господа, мы сдѣлаемъ доброе дѣло не только для той или другой парти переселенцевъ, мы сдѣлаемъ доброе дѣло для нашего города и для Сибири! *).

Нельзя не сочувствовать обращенію г. Ефимова къ сибирскому обществу. Изъ заявленія его мы видимъ, что въ Тюмени не только образованъ комитетъ, но и предполагается особое общество для облегченія путей слѣдованія переселенцамъ. Уставъ этого общества уже представленъ на утвержденіе. Инициатива Тюмени, имѣющая въ виду общественное содѣйствіе, въ высшей степени важна и поучительна и для другихъ городовъ Сибири. Мы не сомнѣваемся, что подобное

*) Данныя для настоящаго чтенія взяты изъ соч. кн. Васильчикова «Землевлѣдніе и земледѣіе», изъ соч. г. Ядринцева «Сибирь, какъ колонія» и его путешествія на Алтай, изъ «Сибирской Газеты» и «Томск. Губ. Вѣдом.» и частью собраны самимъ лекторомъ.

общество будетъ основано и въ Томскѣ. Желательно, чтобы оно распространило свою дѣятельность и въ Алтай, какъ округъ, гдѣ переселенцы болѣе всего устраиваются.

Рядомъ съ учрежденіемъ комитета въ Тюмени, заслуживаетъ вниманія напечатанная въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ особая записка объ устройствѣ переселенцевъ на мѣстахъ и устраненіи тѣхъ стѣсненій, которыя они терпятъ. Эта записка обращаетъ вниманіе на столкновеніе старожиловъ съ переселенцами. По этому поводу мы также имѣемъ корреспонденцію, которую и печатаемъ.

Что касается мѣръ, которыя могутъ быть приняты въ устраненіе стѣсненій и для облегченія устройства переселенцевъ въ Алтай, то онѣ въ упомянутой запискѣ выражены такимъ образомъ:

Относительно мѣръ, которыя могли-бы прекратить столкновенія переселенцевъ съ старожилами и дали бы возможность спокойнаго устройства быта новоселовъ, чиновники по крестьянскимъ дѣламъ высказались въ такомъ смыслѣ:

Существенною мѣрою можетъ быть только назначеніе новыхъ, не отданныхъ обществамъ земель, для поселенія на нихъ, безъ всякихъ связей съ старыми крестьянскими обществами, переселенцевъ. Это возможно только при размежеваніи и отграниченіи земель, отведенныхъ обществамъ.

Другая, ближайшая мѣра, которая въ состояніи ослабитъ, а быть можетъ и прекратить столкновенія интересовъ старожиловъ и новоселовъ, можетъ заключаться въ томъ, чтобы съ причисляемыхъ къ крестьянскимъ обществамъ новоселовъ не брать установленнаго оброка въ пользу Кабинета, а предоставить самимъ обществамъ получать съ нихъ за пользованіе землями плату по соглашенію. Видоизмѣненіе этой послѣдней мѣры представляетъ предположеніе, чтобы переселенцевъ причислять къ тѣмъ селеніямъ, гдѣ есть земли болѣе 15 десятинъ на душу съ возложеніемъ на ихъ личную отвѣтственность уплаты установленнаго оброка безъ круговой поруки общества старожиловъ.

Въ виду чрезвычайной важности дѣла о переселеніяхъ предлагается во всестороннемъ обсужденіи мѣстныхъ обстоятельствъ высказывать мнѣніе: какія мѣры должны быть приняты для устраненія затрудненій, встрѣчаемыхъ переселенцами при водвореніи на земляхъ Алтайскаго горнаго округа. Точною отправленіи при обсужденіи этого вопроса должно быть то основное положеніе, что привлеченіе новыхъ поселенцевъ на эти земли во всѣхъ отношеніяхъ желательно, вполнѣ, по количеству земель, возможно, и что все дѣло сводится къ установленію такого порядка, который бы давалъ прибывающимъ переселенцамъ возможность безъ затрудненій и денежныхъ расходовъ за право причисленія къ обществамъ, устраиваемымъ на мѣстахъ поселенія.

Не касаясь пока разбора этихъ мѣръ, которымъ мы на мѣрѣнъ посвящаемъ особую статью, мы не можемъ не видѣть въ нихъ особаго вниманія переселенческому вопросу, оказываемому со стороны томской администраціи. Желательно бы было, чтобы различныя мѣры, предпринимаемыя администраціей, совпали и наши общественную поддержку. Сама томская администрація, какъ видно, находитъ весьма полезнымъ всестороннее обсужденіе этихъ мѣръ. Что касается указаннаго ею вопроса, то онъ составляетъ собственно частность въ ряду другихъ вопросовъ. Причисленіе къ крестьянскимъ обществамъ и боры съ переселенцевъ составляютъ одинъ изъ послѣднихъ актовъ переселенія и только одну часть изъ всѣхъ прештствій.

Выдѣлять эту частность трудно изъ общей процедуры перечисленія. Затѣмъ переселенецъ встрѣчаетъ многія неодолимые препятствія при самомъ передвиженіи, при изысканіи мѣсть и т. д. Конечно, мѣстная администрація не мо-

жетъ игнорировать и этихъ вопросовъ. Мѣры, которыя предлагаются для облегченія и устройства быта переселенцевъ, такимъ образомъ, какъ видимъ, дѣлятся на административныя и общественныя. Къ первымъ относятся основаніе конторъ съ особыми командированными чиновниками, какъ въ Батракахъ, собраніе официальныхъ свѣдѣній и т. д. Но, безъ сомнѣнія, никакая администрація не въ состояніи будетъ охватить всѣ частности огромнаго дѣла отвѣтить на всѣ жизненныя нужды. Поэтому общественная помощь и инициатива, рекомендуемая въ дѣлѣ переселенія и колонизаціи Сибири не могутъ почестъ лишними; напротивъ, они могутъ имѣть огромное жизненное и практическое значеніе.

Образованіе благотворительныхъ комитетовъ положить начало земской дѣятельности и въ то же время привлечь лучшія общественныя силы и знатоковъ вопроса къ изслѣдованію и помощи колонизаціонному дѣлу.

Потребность помощи переселенцамъ чувствуется не только на западѣ Сибири, но тотъ же вопросъ даетъ себя знать и въ восточной Сибири. По крайней мѣрѣ, въ № 36 газеты „Сибирь“ мы находимъ слѣдующую замѣтку о движеніи переселенцевъ на Амуръ:

«Переселенцы идутъ и идутъ мимо Иркутска. Цѣль ихъ—низовья Амура и Уссури. Очевидно, что они не придутъ до наступленія зимы къ мѣсту своего назначенія. Гдѣ и какъ они будутъ зимовать? Если здѣсь они пропитываются милостыней, а лошадей держатъ на подножномъ корму, то чѣмъ и какъ они будутъ содержать и себя и своихъ лошадей на мѣстахъ, гдѣ застанетъ ихъ зима? Судя по времени отбытія ихъ изъ Иркутска, надо полагать, что они къ наступленію морозовъ дотачатся до Нерчинска. Представляетъ ли нерчинскій округъ какія-нибудь удобства къ размышенію въ немъ тысячи семействъ. Найдется ли въ попутныхъ деревняхъ отъ Читы до Шилки достаточно помѣщеній для столькихъ семействъ. Найдется ли на цѣлыхъ семь мѣсяцевъ и работа и достаточно хлѣба для ихъ пропитанія?»

«На всемъ пространствѣ между Читой и Срѣтенскомъ едва-ли наберется полтора десятка русскихъ деревень и ни одной сколько-нибудь многолюдной. Хлѣбонашество здѣсь развито очень слабо, много народа уходитъ на присѣки, а мѣстныхъ заработковъ никакихъ не существуетъ. Съ октября мѣсяца и до самой весны народъ ничѣмъ не занятъ, кромѣ легкой домашней работы и частью доставки на присѣка разныхъ тяжестей. Спрашивается теперь,—гдѣ размѣстятся переселенцы и чѣмъ они проживутъ до весны? Можно ли надѣяться, что имъ станутъ подавать милостыню въ достаточномъ количествѣ?»

Изъ этого же № видно, что въ пользу нуждающихся переселенцевъ 19 го августа, въ Иркутскѣ, данъ былъ спектакль, отъ котораго выручено 1,160 р. Независимо отъ этого устроена частная подписка, давшая 921 р. Для переселенцевъ куплена старая одежда для снабженія преимущественно дѣтей.

Такимъ образомъ, та же необходимость общественной помощи и организація ея чувствуется одинаково и въ другой части Сибири. Сибирское общество можетъ найти здѣсь выходъ для самой полезной и благородной дѣятельности!

ХРОНИКА.

В московских газетах сообщено, что на постоянной выставке общества любителей художеств в домъ графа Васильева-Шиловскаго, на Малой Дмитровскій, въ Москвѣ, красуется превосходная статуя г. Кафки «Ермакъ Тимофеевичъ». Громадная, импозантная фигура покорителя Сибири производитъ громадное впечатлѣніе и своей величиною, и чрезвычайною удачною постановкою. Ермакъ изображенъ въ сидячемъ положеніи; на немъ накинута шуба, спускающаяся съ лѣваго плеча и обнаруживающая кольчугу; лѣвой рукой онъ придерживаетъ саблю; правой оперся на колено ноги, на головѣ шлемъ. Лицо дышетъ спокойнымъ, невозмутимымъ мужествомъ; острый, пронзительный взглядъ устремленъ вдаль. Жаль только, что статуя поставлена на высококомъ пьедесталѣ, вслѣдствіе чего лицо лишается тѣней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силы впечатлѣнія, которое на фотографическомъ снимкѣ съ статуи несравненно выразительнѣе. Работа во всеѣхъ отношеніяхъ безукоризненна; каждая деталь обнаруживаетъ смѣлость, твердую и самоуверенную руку мастера.

Желательно, чтобы хотя модель этой прекрасной статуи была приобретена въ одинъ изъ сибирскихъ музеевъ или въ будущій университетъ.

Материалы по сибирской исторіи выходятъ не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, и въ данномъ случаѣ на нѣмецкомъ.

На дняхъ въ Петербургѣ вышла брошюра: Kurze sibirische Chronik (Die kungurische) von Franz Böncken, St.-Petersburg. 1883

Переводъ этотъ сдѣланъ, какъ видно изъ предисловія, въ г. Омскѣ съ лѣтописи, опубликованной въ С.-Петербургѣ 1880 г. Лѣтопись эта доставлена была императорской академіи наукъ въ 1744 г. профессоромъ Миллеромъ, который получилъ ее въ Тобольскѣ отъ П. Мирвича. По мнѣнію Миллера («Описание сибирскаго царства». С.-Петербургъ, 1787 г., стр. 31), авторомъ лѣтописи былъ тобольскій дворянинъ Ремезовъ. Переводъ дополненъ приложеніемъ хронологіи изъ «Памятной книжки Западной Сибири», Омскъ, 1882 г.

Только-что нами полученъ послѣдній выпускъ «Извѣстій восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества». Онъ содержитъ: Материалы для изученія шаманства въ Сибири.— Шаманство у бурятъ Иркутской губерніи (съ таблицами), Н. П. Агапитова и М. Н. Хлонгалова.— Метеорологическія наблюденія въ селѣ Марха и въ урочищѣ Маганъ въ 1882—1883 гг., Копотти.— Отношенія женщины къ роднымъ ея мужа у якутовъ, Горохова, и Свѣдѣнія о ленской полярной станціи. Кромѣ того, въ видѣ приложенія помѣщена статья о манджурахъ, даурахъ и китайцахъ Амурской области (съ рисунками), А. Ю. Назарова, и программа для собранія этнографическихъ предметовъ для музея восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества.

Газета «Сибирь» сообщаетъ, что изъ телеграфныхъ свѣдѣній, полученныхъ въ Иркутскѣ, видно, что вслѣдствіе состоявшагося рѣшенія сената, основаннаго на Высочайшемъ повелѣніи 1835 г., еврейямъ, содержащимъ въ Восточной Сибири винокуренные заводы, будетъ предоставленъ опредѣленный срокъ для ликвидаціи дѣлъ или передачи заводовъ въ другія руки.

Какъ сообщаютъ «Томскія Губернскія Вѣдомости», въ первыхъ числахъ сентября, черезъ Томскъ проѣхалъ Н. М. Пржевальскій, отправляющійся, какъ извѣстно, въ новую экспедицію въ Монголію.

Въ «Томск. Губ. Вѣдомости» пишутъ изъ Екатеринбурга, что туда прибылъ недавно штабъ-ротмистръ Шабельскій, командированный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для изученія переселенческаго вопроса на мѣстѣ. Г. Шабельскій вошелъ въ сношенія съ том-

скимъ и тобольскимъ губернаторами, просилъ ихъ содѣйствія къ полученію всеѣхъ необходимыхъ ему свѣдѣній о переселенцахъ.

Говорятъ, что въ навигацію предстоящаго 1884 года будутъ отправлены на судахъ добровольнаго флота партіи ссыльно-каторжныхъ на островъ Сахалинъ въ удвоенномъ комплектѣ противъ предыдущихъ лѣтъ т. е. примѣрно въ 1,000 человекъ, съ необходимымъ грузомъ.

Намъ передавали, что на женскихъ медицинскихъ курсахъ въ Петербургѣ, вывѣшено заявленіе иркутской думы о двухъ стипендіяхъ для ученыхъ акушерокъ, причемъ эти стипендіи не ставятъ никакого обязательства служенія за нихъ въ Сибири.

28 августа, въ Иркутскѣ, праздновался 25-лѣтній юбилей со дня открытія въ Иркутскѣ частной типографіи П. П. Синицына. Былъ молебенъ, а послѣ обѣды всеѣмъ служащимъ. Юбилару были поднесены хлѣбъ и соль на серебряномъ подносѣ отъ служащихъ, кромѣ того адресъ. Г. Синицынъ, какъ сообщаетъ газета «Сибирь», отличался гуманнымъ отношеніемъ къ служащимъ и своего старшаго сотрудника сдѣлалъ компаніономъ, другому предложилъ быть компаніономъ и третьему назначилъ пожизненную пенсію. Г. Синицынъ, надо замѣтить, самъ человекъ не богатый.

Въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ объ убійствѣ въ тайгѣ золотопромышленника Ивана Афанасьевича Петрова. Онъ былъ выпущенъ изъ сѣдла, за тѣмъ убійца нанесъ ему одиннадцать ранъ кинжаломъ. Убійца задержанъ, оказался нѣкто Хаддѣевъ, мотивъ убійства—месть за личное оскорбленіе.

Къ характеристикѣ судебныхъ учреждений въ Сибири служитъ сообщеніе «Сибирской Газеты», что въ окружныхъ судахъ отпущаются самыя ничтожныя суммы на канцелярію, при массѣ бумажной работы. Къ концу года этихъ суммъ не хватаетъ. Такъ томскій окружной судъ нуждается въ нѣсколькихъ вольнонаемныхъ писцахъ, но на вознагражденіе ихъ съ сентября до Нового года остается всего 200 рублей.

Эти жалобы не въ первый разъ слышатся изъ несчастныхъ судовъ. Нельзя ли было бы употребить на это экономію отъ двойныхъ прогоновъ разныхъ франтовъ, ѣдущихъ въ Сибирь и незаслуживающихъ даже ординарныхъ?

Въ газетѣ «Сибирь» сообщаютъ, что бывший смотритель иркутскаго тюремнаго замка, Селивановъ, убитъ арестантами на о. Сахалинѣ; передъ этимъ онъ застрѣлилъ одного изъ арестантовъ за какое-то ослушаніе при исполненіи каторжныхъ работъ.

Несмотря на обновленіе полицейскаго состава, изъ Иркутска пишутъ, что городъ продолжаетъ осаждаться мошенниками. За Ангарой грабятъ и мушкетеры уже прибѣгаютъ къ суду Липча.

Далѣе слѣдуютъ не менѣе мрачныя извѣстія изъ Благовѣщенска. Воровство здѣсь практикуется каждодневно; убійства почти каждую недѣлю: то найдутъ трупъ безъ головы, то безъ рукъ и ногъ, а то и просто однѣ кости; охраны городъ не имѣетъ никакой, слышно только ночью, какъ жители обстрѣлываютъ свои дома, понутивъ этимъ «варнаковъ», но это не помогаетъ горю.

Самая послѣдняя новость—вечайное убійство изъ ружья одного телеграфиста товарищемъ его. Больше же всего толкуютъ о перемѣщеніи административнаго центра Восточной Сибири въ Благовѣщенскъ.

Въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, говорятъ, надѣлала шуму и смѣха исторія одного ремонта. Военное вѣдство просило на ремонтъ казармъ 9000 руб. Комиссія, осматривавшая казармы убѣдилась, что на ремонтъ нужно 500 руб. всего и при этомъ обратила вниманіе на исчезновеніе дѣлага забора съ навѣсомъ, вѣроятно, употребленнаго въ казарменной мастерской на мебель.

Въ октябрьской книжкѣ «Русской Мысли» вышелъ новый очеркъ «Сибирскіе Цивилизаторы» г. Орфанова, гдѣ разсказывается исторія походовъ сосланнаго еврея Кнопфа въ сибирскій городъ И... Этотъ Кнопфъ умѣлъ угощать сибирскихъ совѣтниковъ и прокуроровъ отличными сигарами и заключилъ выгодные подряды. Онъ строилъ этапы въ губерніи и угощалъ ревизоровъ. Наконецъ, завладевъ всего разсказъ, какъ онъ приобрѣлъ расположеніе одного генералъ-губернатора,—еврей построилъ для него домашнюю церковь, (неужели это было гдѣ-нибудь?). Другой начальник оказался еще покладистѣе для Кнопфа, но за то дорожке. Съ нимъ былъ разговоръ короткій:—Школьны? спрашиваетъ Кнопфъ.—Столько-то, и конецъ. Тутъ же говорится, что въ Сибири генералъ-губернаторъ все (?) «хочетъ съ кашей съѣсть, хочетъ съ масломъ пахтаетъ». (с. 109). Далѣе разсказывается исторія о сѣмляномъ Орловѣ сѣрлявшемся въ И.—и объ одномъ золотопромышленникѣ любившемъ амурныя пожеженія, котораго сажали въ подполье.

Въ газетѣ „Сибирь“ было напечатано, что 7 августа умеръ отъ отравленія кандидатъ на класісную должность старшій аптечный фельдшеръ Николай Фроловичъ Андреевъ. Причина самоотравленія неизвѣстна, такъ какъ покойный не оставилъ никакой записки, но тѣмъ не менѣе можно думать, что обстановка, въ которой жилъ покойный, не могла, по всей вѣроятности, соответствовать его развитію. Къ этому добавляютъ намъ слѣдующій комментарий. Неужели человѣкъ, привыкшій жить жизнью людей, а не скотовъ, могъ довольствоваться помѣщеніемъ, которое ранѣе служило отхожимъ мѣстомъ, о чемъ и теперь еще свидѣлствуютъ трубы и подмокши—необходимыя принадлежності госпитальныхъ отхожихъ мѣстъ? Неужели онъ не могъ оскорбляться на то, что ему даже и въ этомъ скромномъ уголкѣ запрещали принимать гостей, тогда какъ какіе-то экономы, смотрителя, которые не полагаются по штату, занимаютъ довольно хорошія квартиры и въ свою очередь держать у себя въ квартирахъ постороннихъ?

На похороны покойнаго было собрано болѣе 50 руб., изъ которыхъ, за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ, осталось еще болѣе 20 рублей, на которые воспріимчивъ его хотѣли нанять музыку, но и тутъ смотритель госпиталя воспротивился наотрѣзъ такому скромному желанію, а предложилъ на эти деньги устроить поминки или же отослать ихъ его роднымъ, которые имѣютъ домъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и довольно хорошо живутъ.

Намъ передаютъ слѣдующій забавный эпизодъ для характеристики ветеринаровъ въ Сибири. Нѣкто приглашаетъ одного коровьяго врача ѣхать выѣсть съ нимъ на телѣжкѣ осматривать прибывшій въ городъ скотъ.

— «Да вы, батюшка, забываете, что я штабъ-офицеръ!» отвѣчаетъ ему ветеринаръ, ударяя на послѣднихъ словахъ и смѣривъ его своими большими, волоокими глазами.

— «Ну что-жъ такое?» недоумѣваетъ пригласившій.

— «А то, что на вашей телѣжкѣ мѣстъ мѣста только шесть верхковъ, и мы будемъ толкаться съ вами!»

— «А сколько-жъ нужно мѣста штабъ-офицеру?» поинтересовался пригласившій.

— «Да по-крайней-мѣрѣ восемь верхковъ!» отвѣчалъ коровій врачъ и взялъ отдѣльный экипажъ, поддерживая честь и достоинство штабъ-офицера.

Для характеристики нашихъ человѣческихъ врачей рекомендуютъ обратить вниманіе на нижеслѣдующій документъ:

„188* года, іюня, дня въ городѣ N, я нижеподписавшійся, врачъ такой-то, обязуюсь выдать доктору медицины и акушеру такому то, одну тысячу (1000 руб.) рублей серебромъ, если онъ со временемъ при всемъ своемъ стараніи и желаніи не получитъ должности городского врача въ Италиі (сибирской)“. Затѣмъ чинъ и подпись обѣихъ сторонъ и свидѣтелей.

Обсудить этотъ документъ съ правдивенной стороны мы предлагаемъ нашимъ врачамъ и ихъ обществу. Но съ точки зрѣнія юридической уважаемый г. докторъ медицины и акушеръ никогда гроша не получитъ по этому документу, потому, что «предусмотрительный» г. врачъ, во-первыхъ, не обозначилъ въ выданномъ

нимъ документѣ срока исполненія своего обязательства и можетъ назначить исполненіе его не ранѣе какъ черезъ 50 лѣтъ. А во-вторыхъ, всегда не трудно будетъ ему доказать, что докторъ медицины и акушеръ не употребилъ всѣхъ стараній и усилій, почему и не получаетъ должности городского врача въ сибирской Италиі.

Сибирское купечество любитъ дѣлать иногда весьма тонкіе комплименты. При пріѣздѣ новаго начальника въ край, мѣстные пароходчики стараются, напримѣръ, наименовать какой-либо пароходъ его именемъ; мало того, сибирскіе пароходы получаютъ названіе директоровъ департаментовъ и чиновъ, завѣдующихъ пересылкой арестантовъ. Что касается мѣстнаго начальства, то на сибирскихъ пароходахъ можно изучить всю сибирскую хронологію. Нынѣ одинъ забайкальскій пароходъ посвященъ имени Дмитрія. Когда мы хотѣли указать на нѣжность сибирскаго сердца, нѣкто изъ пріѣзжихъ обличителей сибиряковъ замѣтилъ намъ:—«Не слишкомъ полагайтесь на нашихъ сибиряковъ; они то же дѣлаютъ со своими кумирами, что и инородцы: увидѣть благодѣтель, нечего бояться—глядяши вещественное выраженіе чувствъ или имя переимѣнить или же подъ лавкой навалется».

Одинъ прѣзжій насъ извѣщаетъ:— прѣзжакъ по ташкентско-казанскому тракту, на одной изъ станцій въ Перовскомъ уѣздѣ, намъ пришлось встрѣтить небольшую партію больныхъ солдатъ съ ихъ семействами; въ числѣ больныхъ былъ одинъ сумасшедшій. Тяжело было видѣть блѣдныя лица съ посинѣвшими отъ холода губами; несчастные промокли отъ дождя, иззябли отъ холоднаго вѣтра, тѣсно кутаясь въ дырчавыя шинелишки. Фельдшеръ, ведшій партію, просилъ станціоннаго старосту пустить болѣе тяжелыхъ больныхъ обогрѣться на станцію, на что староста отвѣтилъ: „Я пустилъ бы, еслибы у васъ было предписаніе отъ перовскаго воинскаго начальника, но у васъ его нѣтъ, а безъ предписанія пустить не могу“. Больные стали просить дрова (на станціяхъ, для проходящихъ партій, заготовляются дрова по 5 ф. на человѣка, который выдается также по предписанію), но и въ выдачѣ дровъ также получали отказъ на томъ же основаніи.

И вотъ больные (многихъ была сильнѣйшая лихорадка) вынуждены были расположиться бивуакомъ на сырой землѣ и сами собирать для себя колочку и кизякъ, чтобъ развести хотя небольшую огонь; ночевать имъ также пришлось подъ открытымъ небомъ въ степи, при сильномъ холодномъ вѣтрѣ... и это въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда ночью вода замерзаетъ въ лужахъ!

Настоящій случай напомнилъ намъ другой: въ прошломъ году, въ сентябрѣ же мѣсяцѣ, проходила по Перовскому уѣзду партія больныхъ; изъ этой партіи двое умерли на Викторевской станціи, а нѣсколько человѣкъ еле живыми были доставлены въ Карамакчинскій лазаретъ.

Изъ г. Війска намъ жалуются на одного дѣятеля, испросившаго себѣ отъ города въ подарокъ домъ. Но онъ этимъ не ограничился, онъ пробуетъ у обывателей выпросить, а если не дадутъ, просто увезти то тесь, то кирпичъ. Выпроситъ 5 штукъ тесьня, а увезетъ 50. Спроситъ у одного почему кирпичъ, на утро пришлетъ рабочихъ и увезетъ, не заплативъ денегъ, и между тѣмъ постоянно говорить о „нестыжательности“.

Къ намъ прислана жалоба на распоряженіе новаго городского головы Михайлова въ Томскѣ, закрывшаго единственную караулку въ Гостиномъ дворѣ, гдѣ грѣлись сторожа и рабочіе. Это же вызываетъ жалобы гостинодворцевъ. Правда ли это, предоставляемъ повѣрить мѣстной «Сибирской Газетѣ».

Намъ сообщаютъ, что Хаджи-Алихъ Анусовъ, въ Ташкентѣ, привезъ изъ Бухары рѣдкия рукописи Тарихъ-Табари на арабскомъ языкѣ, то есть исторію Тимура. Три первыя книги, какъ мы слышали, розыскиваетъ наша академія, такъ какъ они очень рѣдки.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Съ Китайской границы (корресп. „Восточн. Обзор.“). Илійскіе китайцы устроили по границѣ съ нашими владѣніями двѣ линіи караульных пикетовъ и постовъ, отъ сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня до лѣваго берега р. Или, причѣмъ первая линія, на обязанности которой лежитъ охрана пограничныхъ знаковъ, расположена на самой границѣ; вторая линія, на которой лежитъ задача охраны границы и вмѣстѣ съ тѣмъ перевозки почты отъ Кульджи до Музарта и далѣе до Ахсу и Кашгара, расположена на востокъ отъ первой, на 30 и на 50 верстѣ. Всѣ, какъ пограничные караулы, такъ равно и пикеты второй линіи, состоятъ каждый изъ 20 юрто-владѣльцевъ; первая линія, отъ Нарынъ-Кола до перевала Ведеты—изъ калмыковъ бывшей Улютовской волости нашего Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, а далѣе къ сѣверу, въ Илійской долинѣ—изъ сибирцевъ; вторая линія состоитъ изъ калмыковъ рода Шеберъ съ Каша и Тогуустару, а часть изъ—китайцевъ.

Пикеты первой линіи расположены въ юртахъ, но по приказанію цзянь-цзюня воздвигаются зданія въ родѣ казармъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть лѣсъ—деревянные, тамъ же, гдѣ его нѣтъ—глинобитныя; казармы эти обнесены заборомъ, а на двухъ, расположенныхъ по діагонали углахъ, устроены будки, имѣющія сообщеніе съ внутреннимъ дворомъ, и небольшія бойницы, предназначенныя для часовыхъ, которые должны отстрѣливаться изъ нихъ при нападеніяхъ. Карауламъ этимъ общаны ружья изъ Суйдуна, но они еще не получены. На каждомъ изъ карауловъ имѣется начальникъ изъ тѣхъ же калмыковъ, которые содержатъ караулъ.

На пространствѣ отъ Нарынъ-Кола до Кальджата стоитъ 6 карауловъ калмыцкихъ, каждый по 20 юртъ, въ первой линіи; во второй линіи тоже 6 карауловъ, отъ урочища Хасанъ-Джаймалу до Суасу.

Владивостокъ (корресп. „Вост. Обзор.“). 2-го августа. Ну, и жара, чисто тропическая! Днемъ и ночью температура показываетъ въ комнатѣ R+29°. Купанья почти не освѣжаютъ, температура воды, въ послѣдніе дни, достигла +23°, по R. Цѣлые дни приходится сидѣть дома, съ опущенными въ окнахъ шторами, и пускать въ ходъ отъ жары, если не вѣреть, то полотенце. А тутъ еще, кромѣ жары, донимаютъ мухи и мушки. Вслѣдъ за жаромъ, пожаловала къ намъ въ гости и холерина, немало пожравшая въ семействахъ дѣтей-малютокъ. Долго ломали мы голову, отчего и какъ могла появиться у насъ холерина. Простачки рѣшили этотъ вопросъ очень быстро и, по ихъ соображенію, даже очень вѣрно: виновато-де тутъ наше питье, воды-де, помилуйте, не имѣемъ мы въ городѣ добропорядочной, пьемъ какую-то музъ, да еще безъ краснаго вина? Ну, какъ, послѣ этого, не быть у насъ холеринѣ? Скептики такому голосу простачковъ не вняли. Причину развитія у насъ холерины они усмотрѣли въ нашемъ санитарномъ безобразіи, въ томъ, что мы обложимъ себя, свои жилища, навозомъ и прочими мерзопакостями; дышемъ душливо-зловоннымъ воздухомъ; пьемъ гнилосто-отравительную воду, каковую можетъ дать наша почва, какъ уснащенная, въ теченіи многихъ лѣтъ, помоями и прочими органическими выбросками. Нельзя не согласиться, въ этомъ отношеніи, съ скептиками, что мы дѣйствительно обложимся кругомъ разными нечистотами, и въ такой степени, что дальше этого ужъ идти нельзя, иначе, въ одинъ прекрасный день, у насъ можетъ появиться еще что нибудь гораздо похуже холерины. Послѣдняя точка зрѣнія вѣрна. Жить въ наемѣ, дышать наземомъ и пить навозную воду... послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что гостить у насъ холерина, какъ не можетъ быть ничего удивительнаго и въ томъ, что въ одинъ день и самый

городъ можетъ обезлюдѣть отъ какой нибудь повальной эпидеміи. Самое уваживаніе ведется у насъ такимъ образомъ. Утромъ, съ разсвѣтомъ, на дворѣ появляются бабы, съ сосудами подъ фартуками, которая и выбрасываютъ содержимое въ сосудахъ тутъ-же на дворѣ, и очень рѣдко за полѣнницу, или, по сосѣдству, въ оврагъ; кухонныя нечистоты выбрасываются тоже на дворѣ или на улицу, смотря потому, что ближе, дворѣ, или улица; дѣлается это безъ зазрыя совѣсти, на глазахъ самихъ хозяевъ; съ закатомъ солнца—выплескиваются на улицу помои цѣлыми ушатами. Послѣ этого, какъ же намъ не унавозиться? А сточныя ямы? скажутъ мнѣ. До этого пока мы еще не додумались. Когда будутъ дѣлать сточныя ямы, тогда будемъ валить туда свои нечистоты; а пока ихъ нѣтъ—такъ разбрасываемъ или выплескиваемъ нечистоты вокругъ да около своихъ жилищъ. Есть у насъ также городекая управа, на обязанности которой лежитъ забота о благоустройствѣ города, чтобы городъ былъ чистенькій, чтобы воздухъ въ немъ былъ безъ особенно разлительныхъ душковъ и амброзныхъ ароматовъ. Что-же она-то, родимая, думаетъ-помышляетъ объ этомъ? Ровно ничего. Должно быть, эти самые „амбреи“ находятъ она живительными для гражданъ, цѣлебными для ихъ здоровья. Если нѣкоторые гласные приступаютъ къ ней, какъ съ ножемъ къ горлу, принять тѣ или другія мѣры противъ городской неряшливости,—такъ она, въ угоду имъ, на столбахъ и заборахъ прибѣгаетъ, съ своей стороны, объявленіе, въ которомъ напоминаетъ о городской чистоплотности,—вовсе не для того, чтобы послѣдніе приняли ея объявленіе къ руководству и воздержались-бы отъ обычной имъ системы уваженія, нѣтъ, а просто къ свѣдѣнію, и послѣ этого, довольная сама собою, своими дѣйствіями, думаетъ про себя: „дѣло свое я, молъ, сдѣлала, а тамъ какъ знаютъ: хотятъ уваживаться—уваживайтесь, не хотятъ—не надо; я, молъ, свою добродѣтель санитарную разыграла, какъ слѣдуетъ тому быть, на законномъ основаніи, и пусть ко мнѣ не привязываются больше на счетъ этой самой городской нечистоплотности.“

Иркутскъ (корреспонд. „Восточнаго Обозрѣнія“). Здѣсь получены запросы по поводу предположенія объ учрежденіи на Амурѣ генераль-губернаторства и военного округа. Запросы эти относятся собственно только къ способамъ испытанія предположенія. Они завалились гдѣ то въ мѣстныхъ канцеляріяхъ, и вѣроятно на нихъ не скоро дождутся отвѣта. Мѣстные авторитеты называютъ всѣ эти проекты „глупостью“. Оно, конечно, непріятно трогаться съ насыженного мѣстечка, да еще терять возможность къ увеселительнымъ прогулкамъ за тройные прогоны. По этому и придумываются разныя препятствія къ осуществленію проекта, въ родѣ того, что съ переводомъ гражданской и военной власти въ Благовѣщенскъ, Иркутскъ долженъ будетъ упасть. Но дѣло въ томъ, что самъ Иркутскъ нисколько не боится этого упадка; онъ надѣется прожить собственною жизнью и безъ искусственной поддержки. Разумѣется, это уже не будетъ такая блестящая и во многомъ безалаберная жизнь, какъ нынѣ, за то навѣрно она будетъ разумнѣе и спокойнѣе. Но если бы даже и дѣйствительно осуществленіе новыхъ проектовъ было сопряжено съ упадкомъ Иркутска, то развѣ можно для интересовъ одного города жертвовать общей пользой!

Здѣсь готовится къ изданію новое литературно-ученое произведеніе, или, вѣрнѣе, старая погудка на новый ладъ. Самостоятельный комитетъ предпринялъ второе, исправленное или переделанное, изданіе книги своего секретаря, г. Ларіонова, о промышленности иркутской губерніи. Комитетъ до такой степени вѣрится въ непогрѣшимость своего секретаря, что не счелъ даже нужнымъ передать его трудъ на разсмотрѣніе кому нибудь изъ своихъ членовъ. Между тѣмъ извѣстно, какими достоинствами юрористическаго свойства

отличалось первое изданіе этой книги. Мѣстные власти тоже усердно занимаются литературой: въ типографіяхъ Сивинцына и окружнаго штаба печатаются официальные матеріалы, относящіяся къ управленію Восточною Сибирью за послѣдніе годы. Отпечатано уже нѣсколько томовъ. Матеріалы эти очень любопытны. Къ сожалѣнію, они печатаются въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и не назначаются для публики. Здѣшняя городская бібліотека обращалась къ завѣдывающему изданіемъ, г. Сулковскому, съ просьбою—уступить ей одинъ экземпляръ этого изданія; но даже не удостоилась отвѣта. Для кого же издаются подобныя сочиненія—для собственного услажденія?..

Изъ Витимской волости (когр. „Восточн. Обзор.“). Не особенно наблюдательностью долженъ обладать путешественникъ, чтобы, проѣзжая по Ленѣ, не обратить вниманія на тѣ рѣзкія особенности расположенныхъ по ней селъ и деревень и ихъ обитателей, которая отличаютъ ихъ отъ прочихъ населенныхъ мѣстъ Сибири. Отсутствие хозяйственности въ строеніяхъ, ихъ бѣдность, а вслѣдствіе этого какой то общій печальный видъ данной деревни или села, блѣдные, унылыя и истощенныя лица обитателей, ихъ недоразвившаяся рѣчь и убогое одѣжаніе,—безъ всякихъ постороннихъ объясненій, приводятъ путешественника къ заключенію о крайне плохомъ экономическомъ положеніи жителей Приленскаго края. И дѣйствительно, всматривался ближе, легко убѣдиться, что земледѣіе, этотъ источникъ жизни громаднѣйшаго большинства русскаго населенія, находится здѣсь только въ зачаточномъ состояніи; другаго же рода промышленности крестьянское населеніе здѣшняго края почти не знаетъ. Само собою разумѣется, что главнымъ препятствіемъ къ развитію земледѣія служатъ здѣсь суровый климатъ и отсутствіе удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ. Земля почти сплошь занята еще дѣвственными лѣсами, расчистка которыхъ потребовала бы громадныя затраты времени, силы и труда; что же касается другихъ родовъ промышленности, то для занятія ими не имѣется ни знаній, ни капиталовъ. И вотъ, среди подобной незавидной обстановки, крестьянское населеніе, изо дня въ день, въ теченіе уже не первой сотни лѣтъ, влачить свое жалкое существованіе, безъ надежды на лучшее будущее и безъ воспоминаній о прошедшемъ. Но если ко всему этому добавить, что эта жалкая жизнь, какъ и вездѣ, обременена разнаго рода новинностями: подулными, земскими и воинскими, что эта жизнь, благодаря отдаленности отъ административныхъ центровъ и отсутствію умственного развитія, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, подвержена произволу и насилію со стороны всѣхъ сильныхъ міра сего,—тогда станетъ понятнымъ, что населеніе Приленскаго края и не можетъ двигаться по пути прогресса: для этого, въ его распоряженіи, не имѣется, въ достаточномъ количествѣ, ни энергіи, ни силы и ни времени. Впрочемъ, для лучшей иллюстраціи положенія этихъ насинковъ природы и людей, послушаемъ ихъ самихъ, для чего и приводимъ здѣсь приговоръ крестьянъ Витимской волости, Киренскаго округа. Приговоръ этотъ послѣдовалъ вслѣдствіе предложенія одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій при главномъ управленіи Восточной Сибири о замѣнѣ лошадей, при отбываніи почтовой и обывательской гоньбы, пароходами. Вотъ наиболѣе выдающіяся мѣста изъ этого замѣчательнаго, въ своемъ родѣ, приговора.

„1879 года, сентября 29 дня. Мы, нижнеподписавшіеся... имѣли разуслѣваніе о слѣдующемъ. Въ проѣздъ свой нынѣ (для ревизіи) по Витимской волости, чиновникъ особыхъ порученій, К., предложилъ намъ строить общественные пароходы, которые должны имѣть назначеніе—перевозить по р. Ленѣ почты, эстафеты, проѣзжающихъ, арестантовъ и проч. Г. К. говорилъ намъ и довѣрителямъ нашимъ,

что пароходы можно устроить на счетъ казны, съ тѣмъ, чтобы мы ежегодно выплачивали казнѣ всю затраченную на этотъ предметъ сумму. Г. К. говорилъ, что казна не откажется затратить на постройку пароходовъ необходимую сумму денегъ, что это для насъ чистое благодѣяніе будетъ. Это благодѣяніе г. К. выразилъ намъ такимъ образомъ: лѣтомъ пароходы будутъ возить почты, эстафеты, проѣзжающихъ, арестантовъ и проч.; мы все лѣто будемъ свободны, будемъ заниматься земледѣіемъ и вообще хозяйственными дѣлами своими; что кромѣ того, что мы будемъ свободны (лѣтомъ) отъ почтовой гоньбы,—мы будемъ за все лѣтнее время получать плату,—плату гораздо большую, чѣмъ намъ теперь приходится; что весь расходъ по содержанію пароходовъ—пароходы сами оправдаютъ, не требуя отъ насъ ничего, такъ какъ будутъ, кромѣ прямого своего назначенія, перевозить еще частную тяжесть, слѣдовательно долженъ быть доходъ; что кромѣ того, что будемъ свободны все лѣто, будемъ заниматься хлѣбопашествомъ, будемъ получать въ лѣтнее время плату за почтовую гоньбу въ увеличенномъ размѣрѣ,—мы будемъ еще получать и прогоны съ проѣзжающихъ, которые будутъ перевозиться на пароходахъ.

„Обсудивъ предложеніе г. К. по нашимъ мужицкимъ понятіямъ, по нашему богатству, по нашей самостоятельности въ общественномъ самоуправленіи, мы пришли къ такому убѣжденію. Ни жѣстное ни высшее начальство не знаетъ, насколько намъ выгодна почтовая гоньба, сколько намъ отъ нея остается, какъ она намъ легко обходится. Дѣйствительно, нынѣшнія цѣны, сравнительно съ прежними, и намъ самимъ кажутся баснословными. Но какъ ближе присмотримся къ своему богатству, усчитаемъ приходы и расходы свои, мы всетаки вынуждены сказать: „отъ прежнихъ незначительныхъ цѣнъ за почтовую гоньбу намъ оставалось гораздо болѣе, нежели теперь отъ высокихъ“. А почему?—Потому, что прежде было время, а теперь другое. Что время нынѣ совершенно не такое, какъ прежде, это доказывается слѣдующими фактами. Напримеръ, въ 1865 году пудъ овса былъ 50 к., пудъ сѣна 10 к., пудъ муки ржаной 40 к., пудъ мяса 1 р. 50 к. Тогда содержаніе почтовой пары, полагая по 10 ф. овса и по 1 пуду сѣна въ сутки на каждую лошадь, обходилось въ годъ, съ содержаніемъ и платою 3 ямщикамъ на каждую пару, въ 450 р. Нынѣ-же совершенно другое. Самую высшую плату за почтовую гоньбу мы получаемъ теперь по 1500 р. за пару (такъ плата только на двухъ станціяхъ, а на остальныхъ менѣе). Пудъ овса нынѣ 3 р., да и купить еще негдѣ; пудъ сѣна 60 к., пудъ ржаной муки 2 р. 70 к., да и купить тоже негдѣ; пудъ мяса лѣтомъ с. г. доходилъ до 10 р. Полагая тоже количество овса и сѣна на каждую лошадь, содержаніе одной пары съ 3 ямщиками обходится въ годъ въ 1620 р. Но и это еще на все. Прежде и число паръ на почтовыхъ станціяхъ было болѣе, и разгону было на двѣ трети менѣе, такъ какъ не было золотыхъ промысловъ и ничто не привлекало людей въ приленскій край; прежде почты ходили по одному разу въ двѣ недѣли, а объ эстафетахъ мы и не знали; нынѣ почты ходятъ еженедѣльно, а эстафеты чуть не каждый день, одна за другой. Прежде на каждую пару мы содержали только по 2 лошади, а нынѣ по 3 и по 4, потому что 2 лошади не выдерживаютъ постоянного разгона (содержаніе остальныхъ лошадей на пару еще не принято въ расчетъ). Прежде лошадей мы покупали по 25 р. любую, а нынѣ такая-же лошадь стоитъ 120 р. Прежде, при незначительности разгона, каждая лошадь могла прослужить въ гоньбѣ 5—6, даже 8 лѣтъ, а нынѣ, если такая же лошадь прослужитъ 2 года, то и за это нужно благодарить Бога. Прежде у насъ ямщиками были и бабы, и дѣвки, и мальчишки, и поселенцы,

нынѣ объ этомъ нечего и думать; каждый крестьянинъ долженъ сидѣть на почтовой станціи, не заглядывая на поле, довольствуясь тѣмъ, что сработаютъ жена и ребятинки его. Прежде и лошадей у насъ не воровали, а нынѣ силошъ и рядомъ воруютъ спиртоносы (намъ извѣстно изъ официальныхъ свѣдѣній, что въ 1877, 1878 и 1879 гг. по одной Витимской волости украдено спиртоносами лошадей на 6075 р.). А что стоитъ намъ содержаніе и плата станціоннымъ писарямъ, отопленіе, освѣщеніе станцій? Что стоятъ намъ повозки, лодки, крыши къ нимъ, сѣдла, сбруя? Что стоятъ ежегодный ремонтъ станцій и всѣхъ принадлежностей къ нимъ?

„Въ настоящее время мы съ своими женами, съ своими дѣтьми, сидимъ безъ хлѣба, не имѣемъ ни копѣйки денегъ, кругомъ по уши должны, и Богъ знаетъ какъ пробьемся до весны будущаго года. Всякій изъ насъ думаетъ, во не умѣетъ говорить. Потому мы всегда безответны. Начальство, незнакомое съ нашею обыденною жизнью, заѣхавшее какъ въ лѣсъ, видя насъ стоящими предъ нимъ въ зипунахъ и молчашими, думаетъ, что у насъ все обстоитъ благополучно. Если-бы мужикъ началъ высказывать непривлекательности мужицкаго житія-бытія, — начальство, всегда считающее насъ благодѣтельными, думаетъ, что мы еще заѣлись, что мы бунтовщики. Напримѣръ, одинъ заѣзжіи чиновникъ отдулъ одного изъ нашихъ крестьянъ — и за что-же? — Только за то, что мужикъ не согласался строить пароходы и на угрозы г. К. ссылкой въ Якутскую область сказали: „И тамъ хлѣбъ ѣдать, — хуже не будетъ“. По мнѣнію этого лица отдулъ мужика ни за что-ни прочто не составляетъ преступленія. Такія ужъ понятія сложились, что это для мужика и не позорно, и не причиняетъ ему нравственныхъ страданій, не развращаетъ, а, напротивъ, исправляетъ его, — учитъ уму-разуму. Но если ужъ съ такими взглядами относятся къ мужику убернское начальство, отъ котораго мы болѣе всего желаемъ слова защиты и покровительства, то чего мы должны ожидать отъ мѣстнаго-то нашего начальства?

„Ѣдетъ тотъ-же чиновникъ ночью, ничего невозвещающаго видѣть. Ѣдетъ на шести лошадяхъ, хотя прогоны платитъ только на двѣ лошади. Сколько задалживается ямщиковъ подъ подобныя проѣзды, — объ этомъ нечего и разсуждать. Ѣдетъ — и лодка останавливается на мели, которой при большей ширинѣ мели, при быстротѣ р. Лены и при темнотѣ ночи обойти никакъ нельзя было. Холодъ страшный, пробирающій до костей (а мужику нужно бродить по водѣ, чтобы сталкивать съ мели лодку). Проѣзжаемъ до всего этого нѣтъ дѣла; онъ преспокойно сидитъ въ тепломъ титикѣ (лодка — настоящая хорошая, о двухъ комнатахъ). Не спрашивая причинъ, по которымъ лодка остановилась, и уважительныя-ли эти причины, словомъ, безъ всякихъ предвѣдѣтельныхъ разсужденій, — онъ дуется ямщиковъ нагайками. А вотъ еще одинъ фактъ. На станціи Чуйской почтовой писарь заявилъ г. чиновнику, что у него украдено 25 р. Выдали-ли эти деньги у писаря, если были, — дѣйствительно-ли украдены, и если украдены, — кѣмъ именно? — объ этомъ ни г. К. и никто изъ мѣстныхъ крестьянъ не знаетъ. Однакожъ заѣзжіи, основываясь только на одномъ голословномъ заявленіи писаря, которымъ въ кражѣ денегъ никто не оподозрѣвъ, приказалъ почтовому старостѣ выискать деньги со всѣхъ крестьянъ, отбывающихъ гоньбу, и удвоительнотъ писаря. За что же мужики заплатились? Неужели мужики всѣмъ селеніемъ согласились рѣшиться на кражу у писаря 25 руб.?...

„И все сказанное выше даже и на половину не представляетъ понятія, насколько почтовая гоньба легка и выгодна намъ, какое оказывается благодѣніе намъ. Если къ этому прибавить, что у насъ во всей Витимской волости 400 съ небольшимъ тягловыхъ душъ,

которыя всѣ привязаны къ почтовой и обязательной натуральной (междуворной) гоньбѣ, почти не имѣютъ времени заниматься полевыми работами, — то и тогда еще нельзя составить полнаго понятія, насколько все у насъ обстоитъ благополучно. Чтобы выразить мужицкое веселье и довольство пополюбѣ, слѣдовало-бы добавить еще, какъ мы легко снискиваемъ себѣ пропитаніе, когда у насъ и хлѣбъ-то крайне плохо родится, да и сѣять почти не на чемъ, потому что все горы, лѣсъ, да камни; негдѣ сѣна косить...

„Въ заключеніе скажемъ, что мы не только не согласны строить пароходы, но и отъ всей души желаемъ, чтобы кто нибудь взялъ все наше почтовое имущество: зеркала, мебель, сукна, паласы, коверы, крыши, лодки и повозки, — взялъ совершенно даромъ, но, ради Бога, освободилъ-бы насъ съ 2-й половины будущаго года (когда окончится срокъ контракту) отъ почтовой гоньбы. До того мы облагодѣтельствованы этой гоньбой, что нѣтъ и словъ болѣе говорить.“

АЛТАЙСКІЯ ДѢЛА.

(Письмо въ редакцію).

Устройство переселенцевъ на Алтаѣ — одинъ изъ видныхъ и очередныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ судьба и благосостояніе края. Между тѣмъ нигдѣ нѣтъ такой путаницы, какъ здѣсь. Начнемъ хотя бы съ того, что бывшіе вновь переселенцы жалуются на поборы съ нихъ старожилыми за пріемъ денегъ, въ значительныхъ, прогрессивно годъ-отъ-года возрастающихъ суммахъ. Это несомнѣнное зло, потому что переселенцы въ большинствѣ приходятъ сюда годовыми, холодные, безъ гроша денегъ. По завѣренію ихъ — они охотно заплатили бы деньги, требуемыя съ нихъ за пріемъ обществами селеній, въ которыхъ переселенцы облюбовали для себя мѣста, но, къ сожалѣнію, денегъ то нѣтъ. Администрація не остается глухою въ этомъ случаѣ и принимаетъ мѣры къ прекращенію этихъ поборовъ, но безуспѣшно. Безуспѣшность эта понятна, если ближе всмотрѣться въ дѣло. Крестьяне-старожилы, требующіе деньги за пріемъ переселенцевъ, въ данномъ случаѣ, стоятъ на легальной почвѣ, опираются на законное, хозяйское, хотя и временно-владѣльческое право ихъ на земли, администрація же дѣйствуетъ на почвѣ филантропіи. Коль скоро администрація давленіемъ власти настоитъ на прекращеніи этихъ поборовъ съ переселенцевъ, — крестьяне совершенно отказываются отъ пріема ихъ въ свою среду. Къ слову сказать, у крестьянскихъ обществъ здѣсь существуетъ нѣсколько категорій подобныхъ поборовъ или „темныхъ доходовъ“, каковы: за пріемъ кабаковъ, переселенцевъ, проживанье въ селеніяхъ разночинцевъ и пр. Пока администрація игнорируетъ эти темные поборы, они еще употребляются на дѣло, хотя бы на откупъ отъ притѣсненій лѣсной стражи, на расходы по дѣламъ „о мертвыхъ тѣлахъ“, на ходатайства по общественнымъ дѣламъ и др., но лишь обнаруживается вниманіе администраціи къ этимъ поборамъ и давленье на нихъ, тогда денежные сборы, какъ объявленные незаконными, прекращаются, а даны подобнаго рода взимаютъ водкою, которая тутъ же выпивается и такимъ образомъ самыхъ слѣдовъ „незаконныхъ поборовъ“ не остается. Далѣе. Почва для подобныхъ поборовъ за пріемъ переселенцевъ создана самымъ законодательствомъ о переселеніи въ

алтайскій округъ крестьянъ, на земли отведенныя или оставленныя во владѣніи мѣстныхъ крестьянъ, и одностороннимъ стремленіемъ соблюсти интересы Кабинета, въ нарушение закона 8 марта 1861 г. и въ ущербъ крестьянамъ. Объяснимся подробнѣе. Помянутымъ указомъ всѣ находившіяся у крестьянъ округа, во время обязательной зависимости ихъ къ заводамъ, земли предоставлены имъ за опредѣленный оброкъ, исчисленный по числу находившихся въ то время въ селеніяхъ ревизскихъ душъ. Условіе это по точному смыслу того же указа должно бы соблюдаться съ той и другой стороны „впредь до размежеванія земель“, но съ объявленіемъ переселенія въ алтайскій округъ водвореніе крестьянъ переселенцевъ производится на слѣдующихъ условіяхъ: каждый переселенецъ причисляется на земли существующаго, на основаніи указа 8 марта, надѣла съ обложеніемъ 6 рублевымъ съ души оброкомъ. Такимъ образомъ, съ прибылью переселенцевъ прибываютъ налоги въ размѣрѣ 6 руб. на каждую ревизскую душу переселенцевъ, безъ приумноженія земельного владѣнія, и рискъ улачивать за тѣхъ же переселенцевъ „упалыя души“, такъ какъ переселенцы приписываются въ существующія селенія подъ круговую поруку общества. Взимаемыми за пріемъ переселенцевъ поборами мѣстныхъ обществъ, хотя сколько нибудь старались обезпечить себя отъ этихъ тягостей, наваливаемыхъ на нихъ переселенцами, а поле для возможности этихъ тягостей очень широкое. Продолжительный, тягостный и вроголодь путь истощаетъ переселенцевъ, которые являются худосочными, съ слабыми силами, безъ средствъ, нерѣдко приносятъ они инфекціонныя болѣзни, гибнуть отъ нихъ и заражаютъ мѣстное населеніе; самыя условія жизни переселенцевъ на первое время, на новыхъ мѣстахъ способны для развитія и распространенія подобныхъ болѣзней и смертности. Намъ случалось видѣть хижины, въ которыхъ на зиму пріютились переселенцы—это избушки или мазанки, въ которыхъ все наличное населеніе ихъ можетъ размѣщаться только сидя или стоя, но улечься всѣмъ въ избѣ, по тѣснотѣ помѣщенія, не возможно. При такихъ условіяхъ, понятно, не можетъ быть никакой рѣчи о гигиеническихъ условіяхъ; а приносимое изложенными выше бѣдствіями зло мѣстному населенію отъ переселенцевъ указываетъ на причины слабости филантропическихъ чувствъ у старожиловъ къ переселенцамъ.

За симъ, давно уже признано и рѣшено, что установленный въ старину 15 десятинный надѣлъ на душу по мѣстнымъ условіямъ земледѣльческаго хозяйства далеко неудовлетворителенъ и равносильно обезземленію мѣстныхъ крестьянъ, если бы былъ принятъ за норму надѣла при будущемъ поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Между тѣмъ и прежде и теперь горнозаводская администрація допускаетъ приселеніе къ прежнимъ обществамъ переселенцевъ, если у послѣднихъ числится по старымъ планамъ болѣе 15 десятинъ на ревизскую душу. „Болѣе 15 десятинъ“—сказано не много и очень неопредѣленно; казалось бы, слѣдуетъ опредѣлить, насколько именно болѣе этой признанной недостаточной нормы, необходимо оставить крестьянамъ для новаго ихъ надѣла, чтобы не стѣснить поземельнаго ихъ устройства, и соответственно этой вновь принятой условно нормѣ новаго надѣла распредѣлять переселенцевъ. Это очень важно теперь, когда вопросъ земельного устройства мѣстныхъ крестьянъ наканунѣ разрѣшенія. Само собою разумѣется, вве-

деніе новаго поземельнаго устройства здѣшнихъ крестьянъ должно пройти успѣшнѣе и далеко спокойнѣе, если у крестьянъ въ существующемъ надѣлѣ окажутся излишки земель, чѣмъ недостатки. Обиліе земель въ Алтайскомъ округѣ, о которомъ такъ много трубили и трубятъ, оказалось до нѣкоторой степени призрачнымъ. Если бы было здѣсь такое раздолье и приволье, то какъ объяснить и гдѣ находить причины земельныхъ споровъ и раздоровъ между крестьянами изъ-за земли? Правда, есть въ округѣ довольно свободныхъ земель, но переселенцы на земли эти или совсѣмъ не заселяются, или поселяются неохотно. Это, во-первыхъ, потому что по безводію нѣкоторыя мѣста совершенно неудобны для осѣдлой жизни; во-вторыхъ, значительныя пространства солончаковъ—также не пригодны для этого; а въ-третьихъ—сѣ нѣкоторыхъ мѣстъ переселенцы уже уходятъ цѣлыми селеніями на новыя мѣста или возвращаются на родину. Такъ, напримѣръ, изъ подъ черни*), куда сперва валили они массами, происходитъ выселеніе. Сперва переселенцы удивлялись—почему сибиряки не занимаютъ такихъ привольныхъ мѣстъ: лѣсу масса, рѣки горныя, каменистыя, чистыя, а травы—съ одного взмаха литовки готова цѣлая копна сѣна; земли необятныя пространства. Теперь же поняли въ чемъ состоитъ причина игнорированія сибирякомъ этихъ мѣстъ. Травы черневныя хотя и обильныя, но „духу“ въ нихъ стоящаго нѣтъ; степная, а тѣмъ болѣе луговая копна стоитъ трехъ и болѣе черневыхъ, да и скота надо сперва пріучить къ этому черствому корму. Земли хотя и много, но она едва выдерживаетъ три хлѣба (посѣва). Въ засушливое время, правда, урожаи хороши бываютъ около черни, но чуть дождливое время, хлѣбъ сгниваетъ на корню; міриады комаровъ и оводовъ не даютъ покоя ни людямъ, ни скоту въ продолженіи цѣлага лѣта; скотоводческое хозяйство какъ поэтому, такъ и по причинѣ неудобства пастбы въ лѣсахъ не имѣетъ шансовъ для развитія. Въ самыхъ селеніяхъ грязь не пролазная отъ мягкости и воспримчивости къ влагѣ грунта; вслѣдствіе продолжительности зимы черневые жители начинаютъ сѣять хлѣбъ только тогда, когда степные уже отсѣялись, поэтому тамъ преимущественно сѣютъ озими, а яровые часто не успеваютъ вырѣвѣть; вообще черневой житель въ продолженіи сравнительно короткаго лѣта находится въ высшей степени рабочаго напряженія. Всѣ эти неудобства выживаютъ переселенцевъ съ облюбованныхъ, но обманувшихъ ихъ мѣсть и создаютъ дурную славу этимъ мѣстамъ, отбивая охоту заселяться сюда новымъ переселенцамъ.

Въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ, однимъ словомъ съ тѣхъ поръ, какъ усилилось переселеніе россійскихъ крестьянъ на Алтай, земельныхъ споровъ у крестьянъ поднимается годъ отъ года болѣе и болѣе. Явленіе это находитъ себѣ объясненіе главнымъ образомъ въ томъ, что межевые знаки—признакъ надѣловъ крестьянъ, повсюду уничтожены, границы по урочищамъ и др. признакамъ забыты, планы съ ватурой несходны, такъ что межевые чины, командируемые для указанія и возстановленія граней крестьянскаго владѣнія, ничего свести не могутъ, но чтобы какъ-нибудь покончить дѣло—производить размежеваніе какъ имъ Богъ на душу положить и посѣваютъ, такимъ образомъ, новыя сѣмяна раздоровъ. Не успѣетъ одинъ межевщикъ окончить

*) Тайга, дѣвственный лѣсъ.

работъ по отводу граней, какъ слѣдуетъ жалоба на неправильность отвода, и недовольные требуютъ новое лицо для новаго размежеванія той же дачи; если допустить новую размежевку, то и эта окажется фантастическою и далеко не удовлетворитъ стороны. Засимъ крестьяне-старожилы, спекулирующіе пріемомъ переселенцевъ захватываютъ гдѣ возможно земли сверхъ существующаго надѣла, справляются съ плаванами и отбираютъ у сосѣдей земли своего плановаго надѣла, находившіяся чуть не полвѣка въ пользованіи сосѣдей по полюбовному соглашенію или отводу бывшихъ заводскихъ управителей. Теперь совершенно не слыхать, чтобы какой-либо земельный споръ крестьянъ изъ-за земли былъ разрѣшенъ мировою сдѣлкою или третейскимъ разбирательствомъ; всѣ желаютъ размежеванія на законномъ основаніи, по планамъ, но законныхъ основаній никакихъ нѣтъ, а планы, кромѣ путаницы и внесенія въ жизнь крестьянъ все большихъ и большихъ раздоровъ ни къ чему не ведутъ. Все это деморализируетъ мѣстное крестьянское населеніе и вотъ тому примѣры. Невдалекѣ отъ Барнаула переселенцы и путаница въ размежеваніи довели дѣло до того, что нѣсколько лѣтъ уже двѣ сосѣднія деревни ходятъ другъ на друга въ колыа, одна у другой увозитъ съ поля хлѣбъ и сѣно и отбиваетъ лошадей и телѣги. Дѣло доведено до вмѣшательства полиціи, но и она, тароватая въ другихъ отношеніяхъ, оказалась въ этомъ случаѣ безсильною. Нѣкоторыя селенія, съ достаточнымъ „полномочнымъ“ населеніемъ, не допуская къ себѣ ни кабаковъ, ни переселенцевъ, вида, что кругомъ заселенныя переселенцами деревни годъ отъ года все болѣе и болѣе вторгаются въ предѣлы ихъ надѣла, и опасаясь, что при новомъ надѣлѣ избытки оберегаемыхъ ими земель отъ нихъ отберутся, а тѣмъ паче къ нимъ приселятъ будутъ обязательно—переселенцевъ безъ разбора, скрѣпя сердце рѣшились подчиниться общему теченію и допускать переселенцевъ. „Пусть, говорятъ, лучше мы сами примемъ новоселовъ, присмотрѣвшись къ нимъ сперва, иначе намъ приселятъ всякихъ, которые не будутъ подчиняться стародавнимъ общественнымъ распорядамъ и обычаямъ“. Еще болѣе злая и неурядица въ тѣхъ селеніяхъ, которыя по нѣсколькимъ замѣжеванымъ были въ одну дачу и по землевладѣнію составляютъ какъ бы одно общество. Быть можетъ между этими селеніями старину была какая-нибудь связь, но теперь каждое почти изъ нихъ составляетъ самостоятельное сельское общество, имѣетъ своего старосту и особый раскладъ подаей. Связи никакой. По рассказамъ,—были между нѣкоторыми изъ такихъ семей произведены когда то и разграничи земельныя угоды, но никакихъ на это не оказывается у сторонъ документовъ и въ планахъ подобныхъ разграниченій не показано. Покойной памяти горное правленіе, взявшееся регулировать переселеніе крестьянъ съ земельно-хозяйственной стороны, утверждало пріемные приговора отъ подобныхъ отдѣльныхъ селеній, но не цѣлой замѣжеванной въ одну дачу общины, какъ бы слѣдовало, состоящей изъ совокупности всѣхъ этихъ селеній. Вслѣдствіе этого оказалось, что нѣкоторыя селенія переполнены переселенцами, а въ другія переселенія вовсе не производилось. Понятно, ощущая недостатокъ въ землѣ, эти переполненные селенія стремятся занять земли сосѣдей, хотя по полюбовному соглашенію и обычаю земли между ними и разграничены. Послѣдніе естественно не пускаютъ въ свою грань. Споры о такихъ земляхъ

имѣютъ самый острый характеръ и совершенно не поддаются разрѣшенію ни мировымъ порядкомъ, ни юридическимъ разборомъ, по отсутствію какихъ либо актовъ, опредѣляющихъ права на раздѣльные владѣніе землями сторонъ.

Въ заключеніе не можемъ не указать—какъ создавалась неурядица землевладѣнія мѣстныхъ крестьянъ и какъ до сихъ поръ производится путаница въ этомъ чувствительномъ для быта крестьянъ дѣлѣ. Несовершенство и неудовлетворительность плановъ надѣла крестьянъ алтайскаго округа 20 и 30 годовъ почувствовались вскорѣ послѣ составленія ихъ; по этому было установлено, чтобы земскіе управители и горное правленіе, въ уваженіе недостаточности угоды у однихъ крестьянъ и избытка у другихъ, производили бы имъ уравненія. Иногда уравненія эти производились формально, но чаще всего безъ всякихъ формальностей: пріѣдетъ управитель, укажетъ и прикажетъ—и довольно. По освобожденіи крестьянъ отъ обязательнаго для заводовъ труда отводы эти охранялись учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ, въ силу указа 8 марта 1861 г., которымъ узаконено за крестьянами право существующаго пользованія землями. Это продолжалось до 70 годовъ, но по указанію Кабинета и генералъ-губернатора З. Сибири Хрущова въ это время установлено было, для разграниченія угоды крестьянъ отъ заводскихъ и между собою, производить въ границахъ старыхъ плановъ. Съ этого начинается всеобщая путаница. Отводы управителей, неуказанные въ планахъ, нарушены, рѣшенія мировыхъ посредниковъ и сѣздовъ, вошедшія въ законную силу, отмѣнены, спорныя дѣла о земляхъ разбирались то горнымъ правленіемъ, то мировыми посредниками, то волостными судами. Къ этому присоединилось еще стремленіе горнаго вѣдомства къ вырѣзѣ изъ прежнихъ плановыхъ надѣловъ крестьянскихъ земель для образованія изъ нихъ оброчныхъ статей и отдачи ихъ въ аренду частнымъ лицамъ.

Бывшая здѣсь въ прошломъ году комиссія Кабинета Его Величества, повидимому, убѣдилась, что дѣло землепользованія алтайскихъ крестьянъ дошло до крайней степени неурядицы и подавала надежды, что поземельное устройство крестьянъ, какъ дѣло неотложное на Алтаѣ, будетъ начато въ началѣ настоящаго года, прежде реформы горнозаводскаго дѣла. Но сказка скоро говорится, да дѣло не скоро дѣлается. Горнозаводскій отдѣлъ уже преобразованъ и дѣйствуетъ по новому, а въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянъ пока не сдѣлано и шага; гдѣ застрялъ этотъ вопросъ, занимается ли ктонибудь и гдѣнибудь имъ—неизвѣстно.

Алтаецъ.

МАКАРЪ.

(Изъ жизни Енисейской тайги).

(Продолженіе).

Едва Макаръ вышелъ изъ конторы, какъ его уже поджидалъ за воротами почтеннѣйшій Курзичъ, одинъ изъ тѣхъ енисейскихъ мѣщанъ, имъ же имя легіонъ, вся житейская практика которыхъ вращается почти исключительно около выхода рабочихъ изъ тайги и обратнаго туда шествія.

Курзичъ имѣеть на Каштакѣ *) небольшую избенку, крытую на одинъ скатъ, все его домообзаводство состоитъ изъ цѣпной собаки, вѣчно голодной. По временамъ, впрочемъ, заводится какая-нибудь кляча, причѣмъ Курзичъ при всякомъ удобномъ случаѣ заявляетъ о своемъ намѣреніи заняться перевозкой грузовъ. Однако, не пройдетъ и мѣсяца, какъ самъ же Курзичъ объясняетъ какому-нибудь сосѣду.

— Кормы нынѣ дорогіе, а тутъ Ивану Петровичу понадобились лошади, ну я и продалъ сѣрка.

Никакого ремесла онъ не знаетъ, но за то, какъ коренной енисеецъ, твердъ во всѣхъ преданіяхъ старины. По субботамъ любитъ хорошенько выпариться, строго соблюдаетъ посты, по праздникамъ и воскресеньямъ аккуратно бываетъ въ обѣдню. Оттуда онъ обыкновенно заходитъ поздравить съ праздникомъ своихъ богатыхъ, но отдаленныхъ родственниковъ. Тамъ его угощаютъ чаемъ; скромно стоя въ углу, онъ не садится, пока его не попросятъ; выпьетъ одну чашечку и прикроетъ, но отъ предложенной другой и третьей не отказывается. Любитъ при этомъ завязать разговоръ о духовныхъ предметахъ, преимущественно на тему, что въ наше время народъ сталъ слабъ.

— Охъ, какъ слабъ сталъ, и глубоко вздохнетъ; другіе чай и дорогу то въ церковь позабыли.

Съ конца сентября и до марта у Курзича открывается квартира для рабочихъ-прискателей. Когда у нихъ есть деньги—пѣніе и музыка не умолкаютъ; услужливость Курзича тогда границъ не знаетъ, во всякую пору онъ готовъ бѣжать за водкой, жена ставитъ самоваръ или сходить за какой-нибудь Марфушкой или Палашкой.

Но вотъ деньги всѣ вышли и тонъ отношеній начинается мнѣяться, но не сразу. Курзичъ каждый день освѣдомляется у своихъ прогорѣлыхъ жильцовъ куда они думаютъ наняться, предупредительно сообщаетъ, что у Голубковыхъ уже началась наемка, мало того самъ заходитъ въ конторы и наводитъ справки—не надо ли кому рабочихъ.

Удалось наняться квартирантамъ Курзича—опять пѣніе и гармоника оживляютъ его избенку, Марфушки и Палашки можно сказать до самоотверженія доводить свои любезности. По временамъ самъ Курзичъ принимаетъ участіе въ незатѣйливыхъ развлеченияхъ прискателей. Смотри, напримеръ, какъ Иванъ тщетно толчется на одномъ мѣстѣ, при чемъ хитрое колѣнце никакъ у него не выходитъ, Курзичъ не выдержитъ и самъ выступаетъ на середину.

— Нѣтъ, я вижу, вы, братцы, не мастера плясать,—да съ этими словами и пустится трепака откальвать.

— Ай да хозяинъ, вотъ такъ молодецъ, одобрительно раздается изъ разныхъ угловъ.

Разумѣется вслѣдъ за симъ является усиленный запросъ на водку.

Но все на свѣтѣ преходяще, а особенно скоротечны дни радости и веселья таежнаго рабочаго. Много черезъ недѣлю, а ужъ рѣдко черезъ двѣ, гармоника стихаютъ и на этотъ разъ Курзичъ начинаетъ безъ особенныхъ церемоній выражать своихъ пріятелей. Тѣ впрочемъ и сами понимаютъ, что никакихъ прочныхъ правъ у него не пріобрѣли, такъ какъ впередъ за квартиру не заплатили, и одинъ за

другимъ куда-то исчезаютъ. Но какой-нибудь Иванъ или Семенъ впрочемъ остается у Курзича для нѣкоторыхъ совмѣстныхъ операций, преимущественно въ ночное время. Въ такихъ случаяхъ Курзичъ по большей части беретъ на себя инициативу, а при благопріятномъ исходѣ хоронитъ концы въ воду. Самое же путешествіе по мѣстамъ, гдѣ плохо лежить, возлагается на долю кватрирантовъ; черезъ ихъ же посредство ведутся довольно дѣятельныя сношенія съ рабочей братіей проживающей въ городѣ и лишенной опредѣленнаго крова. Большихъ дѣлъ обыкновенно не производится, но за то въ домишкѣ Курзича откуда-то являются и куда-то опять переходятъ хомуты, лома, кули, полшубки и т. п.

Но вотъ зима на исходѣ, рабочіе ушли въ тайгу, размѣется предварительно оставивъ въ Енисейскѣ выданную имъ на дорогу одежду. Тутъ то и наступаютъ трудные дни для Курзича.

Весной онъ еще промышляетъ на Енисей; то тащитъ бревна оторвавшіяся отъ плота, то ловитъ растерянные дрова. Однако этимъ промысломъ долго не проживешь.

Тогда Курзичъ начинаетъ странствованіе по всѣмъ конторамъ съ предложеніемъ поставить сѣно, конечно подъ условіемъ приличнаго задатка. Но его всездѣ знаютъ и отвѣчаютъ отказомъ. Это не смущаетъ Курзича; немного погодя онъ уже предлагаетъ прилавить хлѣбъ изъ Красноярскаго округа.

— Мнѣ и задатку никакого не надо.

— А по какой цѣнѣ?

— Муку можно по 55 к., а овесъ по 40 коп.

— Нѣтъ, не надо,—здѣсь на мѣстѣ гораздо дешевле.

— Это точно-съ, потупя взоръ объясняетъ Курзичъ, здѣсь дешевле, только вѣдь по мелочамъ, а большой партіи не набрать; да и хлѣбъ нынѣ наплавленъ не хорошей, овесъ съ соромъ—плохъ онъ уродился въ прошломъ году *).

Въ другой конторѣ онъ заводитъ рѣчь о лошадяхъ.

— Приводи, посмотримъ.

— Онѣ еще въ дорогѣ, я думаю такъ черезъ недѣльку придутъ; что же, можно будетъ расчитывать?

— Да надо же посмотреть что за лошади.

— Ужъ не беспокойтесь, вѣдь я знаю какія вамъ нужны лошади, приведу настоящихъ ломовиковъ.

И вотъ дня черезъ два Курзичъ въ сопровожденіи какой-то личности пригоняетъ двухъ-трехъ одровъ.

— Это что за кони, татарамъ на мясо не годятся.

— Помилуйте-съ, это они только въ дорогѣ повябились,—вѣдь все время шли на подножномъ корму; а поставьте ка ихъ на овесъ, такъ черезъ недѣлю къ нимъ и подступу не будетъ.

Понятно, что кони увоятся обратно, не смотря на всѣ увѣренія Курзича и настоящаго владѣльца, скромно разыгрывающаго роль безучастнаго знакомаго.

Такъ вотъ этотъ самый Курзичъ уже поджидалъ Макара.

— Ну что получилъ расчесть?

— Да,—сколько тебѣ слѣдуетъ.

— За два полштофа рубль, Марфушкѣ отдалъ рубль; ну а за хлопоты и ѣду сколько положишь.

Макаръ даетъ трехрублеву.

— Спасибо; а ты парень не останешься у насъ на квар-

*) Часть города населенная бѣднѣйшимъ людемъ, по преимуществу кореннаго енисейскаго происхожденія.

*) Въ Енисейскѣ хлѣбъ прилавляютъ два раза, весной прошлагодняго урожая, а осенью текущаго.

тиръ? дешевле нигдѣ не найдешь—съ харчами всего только шесть рублей въ мѣсяцъ.

Макаръ еще не былъ настолько пьянъ, чтобы не взвѣсить несомнѣнныхъ выгодъ, которыя представляло предложеніе Курзича, то есть возможность обезпечить себѣ теплый уголь хоть на одинъ мѣсяцъ. Но ему почему то вдругъ стало жаль отдать сразу такую крупную сумму, и онъ отвѣчалъ.

— А вотъ я поищу нашихъ, можетъ быть всѣ вмѣстѣ найдемся.

Начиная съ 1869 года *) тяготѣть подъ Енисейскомъ злой рокъ—рабочимъ, выходящимъ изъ тайги, не позволяютъ останавливаться въ городѣ. Только что они переправятся черезъ Енисей, какъ полиція предлагаетъ имъ сейчасъ же направляться въ дальнѣйшій путь. Енисейцы ропщутъ, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ торговли, наконецъ прямо возражаютъ по адресу—не все ли молъ равно гдѣ пропиваться рабочимъ, въ городѣ или въ деревняхъ по дорогѣ. Однако начальство этимъ резонамъ не внемлетъ и всѣ представленія о святѣ опалы оставляетъ безъ послѣдствій.

Впрочемъ по времени все пришло въ надлежащее и для всѣхъ удобное положеніе. Рабочіе, у которыхъ нѣтъ денегъ, безъ всякихъ понужденій со стороны начальства, какъ это большею частью дѣлалъ и прежде, направляются въ свои волости; тѣ же, у которыхъ есть деньги, совершивъ непродолжительное шествіе по указанному направленію, предпринимаютъ затѣмъ фланговое движеніе и, благодаря этому маневру, безпрепятственно проникаютъ въ беззащитный городъ, гдѣ никто уже не мѣшаетъ имъ жить и веселиться.

Тѣ времена давно миновали, когда расходившіеся прискатели устилали грязныя улицы ситцемъ, плисомъ и тому подобнымъ матеріямъ, когда они требовали „шипучки“, при чемъ смѣтливые купцы отпускали имъ лимонадъ вмѣсто шампанскаго, не видно также шумныхъ процессій съ пѣснями и музыкой въ обществѣ дамъ, увѣшанныхъ всякаго рода украшеніями.

Но воспоминаніе объ этихъ временахъ до сихъ поръ живетъ, принимаетъ даже нѣсколько легендарную окраску.

— Ужъ и забавникъ же былъ, братцы, Иванъ Семеновъ, рассказываетъ при случаѣ какой нибудь старый прискатель; вынесъ онъ разъ отъ щеголевскихъ пять тысячъ...

— Хватилъ тоже—пять тысячъ, прерываетъ новичекъ—скептикъ.

— А то какъ же, вѣдь онъ передъ тѣмъ четыре года не выходилъ съ присковъ, да за все это время ему быть данъ скупъ **). Захотѣлъ онъ домой, въ Россію, ѣхать, но вмѣсто того и закрутилъ въ Мотыгиной ***) пьетъ цѣлую недѣлю, всю деревню поить на свой счетъ. Вдругъ ему и вздумалось:

— Давайте мнѣ телѣгу, да чтобъ бабы запряглись и катали меня.

Навѣшалъ на бабъ колокольцовъ, шаркунцовъ, шалей; въ телѣгу набралъ ситцу, платковъ и всякой всячины. Везутъ бабы молодца по деревнѣ, сами пѣсни распѣваютъ; ну, ра-

зумѣтся, весь народъ за нимъ толпой валить. А Иванъ Семеновъ нѣтъ—нѣтъ, да и бросить—то кусокъ ситцу, то шаль, али что другое; ну тутъ сейчасъ же начинается драка. Только на бѣду откуда не возмись исправникъ.

— Это что такое?

Сейчасъ же казаки забрали Ивана Семенова. Черезъ три дня однако исправникъ его выпустилъ. Иванъ Семеновъ прямо отъ него къ щеголевскому довѣренному, вновь нарядился, взялъ у него четвертную, да сейчасъ же и уѣхалъ на приски.

Слушатели, понятно, и не спрашиваютъ—куда же дѣвались тысячи Ивана Семенова...

Теперь праздникъ справляется безъ особенной публичности и разнообразія, такъ какъ тысячи остались въ однѣхъ воспоминаніяхъ о прошломъ, а сторублевки встрѣчаются лишь у очень немногихъ. Преимущественно потребляется водка, слышны гармоника; на улицахъ попадаются группы несовсѣмъ твердыхъ на ногахъ рабочихъ, можно встрѣтить и валяющихся въ грязи. Вотъ вышняя картина Енисейска въ дни выхода рабочихъ изъ тайги. Къ довершенію всего по большей части идетъ неумолимый дождь. И безъ того вѣчно грязный Енисейскъ въ расчетъ выглядитъ еще непривлекательнѣе.

Ни одинъ сезонъ не проходитъ впрочемъ, чтобъ не грѣмѣла какая нибудь группа рабочихъ. То бенардаковскіе вынесли хорошія деньги, то золотничники съ Дюбюша стараются затмить всѣхъ своихъ собратьевъ, то—есть не выходятъ изъ питейныхъ, гдѣ угощаютъ всякаго встрѣчнаго; если же появятся на улицахъ, то не иначе, какъ развѣзжая на биржевыхъ.

И еще—рѣдкій сезонъ обходится безъ какого нибудь героя, слава о которомъ зачастую переходитъ въ отдаленнѣйшія времена. Разумѣется, такой герой дѣлается предметомъ общаго вниманія, при чемъ его по сту разъ заставляютъ рассказывать какъ было дѣло.

Нынѣ такимъ героемъ явился татаринъ Алимка.

— А, Алимъ, восклицаетъ толпа, едва онъ войдетъ въ питейное; здорово, братъ.

Всѣ крѣпко жмутъ ему руку, начинается чоканье шкаликовъ, объятія.

— Слышали, братъ, слышали, Расскажи-ка намъ какъ было дѣло.

— Да коли слышали—такъ чего рассказывать, отвѣчаетъ Алимъ, которому впрочемъ его извѣстность не только не въ тягость, но доставляетъ даже немалое удовольствіе. Это однако не мѣшаетъ ему всякій разъ нѣсколько помолаться.

— Ну нѣтъ, братъ, хотимъ отъ тебя самого слышать,—уважаю компанія.

Алимъ поглядитъ свою бороду, откашлянется и начнетъ свое повѣствованіе.

— Въ прошломъ году, братцы, захожу я къ Мелентьеву, такъ и такъ, говорю, покупаете пшеничку?

— Можно, у тебя сколько?

— Съ фунтикъ будетъ.

— Два рубля (т. е. за золотникъ).

— Хорошо, и отдаю ему мѣшочекъ.

Взялъ онъ у меня и пошелъ вѣсить въ другую комнату. Я стою въ прихожей: прошло таково долго, не выходитъ что-то Мелентьевъ; чего, думаю онъ тамъ замѣшкался—мнѣ

*) То есть послѣ пожара, истребившаго почти весь городъ.

**) То есть онъ скупалъ для конторы у рабочихъ краденое золото; такому агенту, выбираемому всегда изъ рабочихъ же, дается извѣстный процентъ.

***) Мотыгина—первая деревня по дорогѣ съ южныхъ присковъ.

дурного то ничего и въ голову не приходитъ. Стою и жду. Вотъ выходитъ какаѣ-то баба.

— Тебѣ чего надо, говорить.

— Ивана Никандровича.

Пошла она къ нему, выходитъ и самъ.

— Тебѣ чего надо?

Я только смотрю на него, просто онѣмѣлъ.

— Чего тебѣ надо, говорить таково грозно.

— Денегъ жду... сами знаете, проговорилъ я наконецъ.

— Какихъ денегъ? ты должно быть пьянъ, — пошелъ вонъ!

Вижу дѣло плохо; хоть и первостатейный купецъ, а выходитъ плутъ, да еще какой! Почесалъ я затылокъ, да и пошелъ вонъ. А зло такъ меня и разбираетъ; ужь непременно же ему подлецу отомщу, не будь я Алимка. Цѣлый годъ, братцы, ждалъ случая. Нынѣ въ расчетъ и сговорился я съ Абдулкой. Идемъ къ Мелентьеву, Абдулкѣ впереди. Я нарочно перерядился въ бешметъ и голову обрилъ *), такъ что Мелентьеву трудно было признать меня.

— Пшенички не надо ли, говорить Абдулка. Пошелъ это Мелентьевъ къ себѣ въ кабинетъ, и мы за нимъ слѣдомъ.

— Куда?

— Нельзя молъ, надо вѣсь посмотреть.

— Только что онъ началъ вѣсить — Абдулкѣ то и накинულъ ему шаль на голову, а я давай его тузить, да приговариваю:

— Только пикни, сейчасъ наши полицію крикнуть. Помни, говорю, Алимку, помни хорошенько, а самъ его потчуй.

Сталъ онъ братцы жалиться.

— Ахъ, отпустите душу на покаяніе, возьмите и золото назадъ.

— Нѣтъ, заплати еще вдвое за прошлогоднее.

— И заплатилъ? прервалъ кто-то изъ нетерпѣливыхъ.

— Все до копейки заплатилъ.

— Молодецъ Алимка, ну-ка, братъ, выпьемъ; и вслѣдъ затѣмъ опять начинается круговое чоканье шкаликами.

Въ числѣ присутствовавшихъ было двое рабочихъ изъ южной тайги. Чувствуя себя до нѣкоторой степени какъ бы въ чужомъ обществѣ **), они были нѣсколько задѣты торжествомъ Алимки и нашли необходимымъ для чести южныхъ промысловъ выдвинуть тамошнюю исторію, получившую въ ихъ кругѣ громкую извѣстность.

— А вы ребята слышали ли про нашего Петра Непомнющаго.

Всѣ отозвались, что Петра не знаютъ и ничего о немъ не слышали.

— Разъ идетъ, началъ рассказчикъ, Петръ съ одного стана на другой ***) . Вотъ ему и встрѣчается исправникъ; ѣдетъ онъ верхомъ и съ нимъ два казака—онъ у насъ безъ казаковъ ни на шагъ. Петръ хоть и зналъ исправника, однако проходить мимо и шапки не снимаетъ. Сейчасъ же исправникъ останавливаетъ его.

*) Татары на приискахъ по большей части одѣваются какъ русскіе рабочіе и голову не брѣютъ.

**) Рабочіе съ южныхъ присковъ рѣдко заходятъ въ Енисейскъ, онъ имъ не по дорогѣ.

***) Рабочіе вмѣсто прииска почти всегда говорятъ станъ, хотя собственно станъ составляетъ часть прииска.

— Ты какъ смѣешь не кланяться, развѣ не знаешь кто я.

— Нѣтъ не знаю, отвѣчаетъ Петръ, а самъ все-таки шапки не снимаетъ.

— Взять его.

Казаки забрали Петра и повели за исправникомъ. Недалеко былъ мясниковскій пустой станъ. Тутъ исправникъ остановился, позвалъ караульнаго и велѣлъ разложить Петра. Когда отсчитали пятьдесятъ нагаекъ, то и говорить:

— Довольно. Вотъ знай же теперь, что я горный исправникъ Михайловскій.

Петруха то одной рукой порты поднимаетъ, а другой какъ засвѣтитъ по мордѣ Михайловскаго.

— Ну и ты знай же, говорить, что я Петръ Непомнющій.

Будь тутъ самъ Петръ Непомнющій, ему бы безъ сомнѣнія сдѣлали овацію еще болѣе внушительную, чѣмъ Алимкѣ; но въ рассказѣ исторія не произвела особеннаго впечатлѣнія, лишь одинъ изъ слушателей замѣтилъ: — между поселенцами, братцы, есть народъ отчаянный, ничего не побоятся.

Л. Пантелѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

ВСХОДЫ СИБИРСКОЙ ПОЭЗІИ.

«Пѣсни жизни», стихотворенія Омудевскаго (И. В. Ѳедорова). С.-Петербургъ. 1883 г. 498 стр. Изданіе бібліотеки Иванова.

На дняхъ вышелъ сборникъ стихотвореній г. Омудевскаго (И. В. Ѳедорова). И. В. Ѳедоровъ-Омудевскій, нашъ землякъ и уважаемый сотрудникъ, хорошо извѣстенъ не намъ однимъ, но пользуется заслуженнымъ уваженіемъ и въ русской литературѣ. Много лѣтъ онъ участвовалъ въ лучшихъ русскихъ журналахъ, выдвинувшись талантомъ, обладая литературнымъ воспитаніемъ и слѣдуя лучшимъ традиціямъ. Дѣятельности нашего поэта въ русской литературѣ мы не будемъ касаться подробно. Г. Омудевскій вступаетъ въ среду русскихъ поэтовъ въ минуту оживленія литературы, когда началось въ ней новое направленіе, послѣ Кольцова и Никитина надъ русскимъ народомъ склонилась муза Некрасова, зазвучала ея негодующій и зовущій голосъ, появилась поэзія Плещеева, Полонскаго, Михайлова, Курочкина, Вейнберга, Минаева и друг. поэтовъ, Малороссія выдвинула талантъ Шевченки, въ Литвѣ еще не замолкли пѣсни Сырокомли. Множество переводовъ изъ Гюго, Томаса Гуда, Беранже, Гейне, Леопарди, наполнили тогда русскую литературу. Подъ этимъ влияніемъ началъ писать г. Омудевскій и его стихотворенія носятъ слѣдъ пережитой эпохи. Это дѣйствительно „пѣсни жизни“ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ, исповѣдь чловѣка, присутствовавшего при возрожденіи жизни, здѣсь звучитъ часто скорбь, но слышится и вѣра въ будущее. Если эта поэзія часто идейная, головная, носитъ иногда слѣдъ натянутости дѣтской морали, нѣкоторой прозаической тенденціозности, то, конечно, отъ того, что со многими новыми идеями начинающаяся поэзія не могла справиться, она очень быстро стремилась излить ихъ, не успѣвъ выносить и облечь въ лучшіе образы. Нельзя однако отнять отъ новыхъ поэтовъ искренности чувства, они много пережили, перечувствовали, они дѣйствительно

рыдали надъ судьбою народа. Треволненія, пережитыя въ послѣдніе годы, должны были на нихъ отразиться рядомъ мукъ и терзаній, но тѣмъ не менѣе въ этой поэзіи за отуманеннымъ взоромъ скорбнаго гражданина все-таки видится глубокая вѣра въ будущее, и вѣра въ идеаль.

Г. Омуревскій является однимъ изъ сохранившихся писателей. Среди всѣхъ превратностей онъ остается вѣрнѣе лучшимъ преданіямъ своей молодости, среди всѣхъ невзгодъ онъ ищетъ утѣшенія въ своей пѣснѣ, и выражаетъ эту мысль въ слѣдующемъ прочувствованномъ стихотвореніи:

Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!
Если я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужъ не надо...

Надъ колыбелью моей
Пѣсни, какъ геній, витала:
Вѣдная мать моя въ ней
Силы свои почерпала...

Слушая пѣсни ея,
Я приучался сурово
Личное благо свое
Въ счастьи видѣть другого...

Пѣсня вдохнула въ меня
Къ подвигамъ жажду святую,
Чтобъ до послѣдняго дня
Биться за мысль молодую...

Пѣть мастерица была
Дней моихъ свѣтлыхъ подруга;
Съ пѣней она и ушла
Въ міръ безпечальный отъ друга...

Пѣней я только и могъ
Эту заполнить потерю:
Я изболѣлъ, изнемогъ,
Но въ возрожденіе вѣрю...

Пусть и еще надо мной
Бури промчатся съ грозой,—
Прежде, чѣмъ пасть подъ грозой,
Встрѣчу ихъ пѣнею родною...

Если-жъ я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужъ не надо:
Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада.

Гражданская муза нашего поэта выражается въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ и наиболѣе рельефно въ стихотвореніи „къ молодому поколѣнію“.

Спѣшите, честные бойцы,
На дѣло родины святое,
Того, что сдѣлали отцы,
Отъ васъ потребуется вдвое...

Вамъ путь тяжелый предстоитъ
И ждетъ не мало васъ лишений,
Но пусть вамъ силы подкрѣпитъ
Примѣръ минувшихъ поколѣній...

Это стихотвореніе оканчивается слѣдующимъ поэтическимъ утѣшеніемъ.

Еще далеко та страна,
Гдѣ протекають рѣки медомъ,
Не вдругъ познается она
Идущимъ издали народомъ;

Не вамъ дано въ ней отдохнуть,
Кончая подвигъ жизни бранной...
Но хорошо окончить путь
Въ виду земли обѣтованной.

Подобныя стихотворенія дышатъ здоровою силою. Въ стихотвореніяхъ поэта слышится столь-же негодованіе ко всему мѣшающему жить, какъ и благословія всему честному и нарождающемуся молодому.

Вслѣдъ за гражданскими мотивами въ книгѣ г. Омуревскаго слѣдуютъ стихотворенія лирическія, юмористическія, деревенскія пѣсни, посіиці слѣдъ Кольцовской и Никитинской поэзіи, наконецъ, поэмы и переводы. Всѣ они отличаются изяществомъ стиха и художественною формою. Не смотря на тенденцію, г. Омуревскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, которые не разорвали связи съ художествомъ, его поддерживаетъ великіе образцы изъ Гюго, Мицкевича и Владислава Сырокомли, которыхъ онъ изучаетъ и переводитъ. Изящными, выразительными, полными красоты и глубокой поэзіи, переводами литовскаго поэта русская журналистика обязана исключительно г. Омуревскому. Можетъ быть по особому средству душъ, нашъ сибирскій поэтъ облюбилъ своего областного собрата Сырокомлю.

Не смотря на то, что дарованіе нашего земляка было отдано на служеніе русской журналистикѣ, онъ не теряетъ однако связи съ родиной. Временами среди другихъ мотивовъ онъ вдругъ вспоминаетъ о ней. Еще въ 60-хъ годахъ вырывается у него стихотвореніе, подобное сдержанному вздоху по своей забытой землѣ.

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ дѣлю благой и высокой,
То посѣти между прочимъ
Край мой далекій...

Тамъ сквозозъ снѣга и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтятся людей тамъ, что терпятъ
Муки за муки...

Пѣть тамъ пустыахъ истукановъ,
Вздоховъ извѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
Цѣпи да люди!

Это стихотвореніе по глубинѣ чувства выдѣляется въ первый разъ изъ многихъ риторическихъ воспѣваній Сибири, но въ немъ она рисуется воображенію попрежнему въ мрачныхъ краскахъ и образахъ, согласно принятому обыкновенію рисовать ее. Только послѣдствіи поэтъ, въ цѣлой серіи стихотвореній, воскрешаетъ живую и прекрасную природу своей родины, онъ здѣсь становится болѣе реалистъ и выводитъ Сибирь изъ области мифическихъ страшныхъ представлений на дѣйствительную почву, онъ согрѣваетъ эти стихотворенія теплотою своего чувства, дышетъ своей поэзіей на эту помертвѣлую страну и отдаетъ ей смѣло симпатіи своего сердца.

На тощей и пустой нивѣ сибирскаго художественнаго творчества стихотворенія нашего земляка, относящіяся къ числу настоящихъ литературныхъ произведеній, среди предшествовавшихъ неудачныхъ попытокъ, представляютъ единственное явленіе и служатъ предвѣстіемъ такъ же, какъ и зачаткомъ мѣстныхъ поэтическихъ произведеній. Кромѣ стиховъ г. Омуревскій далъ нѣсколько лѣтъ назадъ прекрасный романъ „Шагъ за шагомъ“, обратившій вниманіе русской публики, романъ, въ которомъ также болѣею частью воспроизведена сибирская жизнь. О попыткахъ художественнаго творчества въ Сибири, а также и о томъ, почему оно не могло явиться доселѣ, мы поговоримъ въ особой статьѣ. Несомнѣнно, что

мы стоимъ однако у его начала. Потребность мыслить, бороться, любить, пробуждается и въ нашемъ обществѣ.

Въ это время должна народиться и поэзія. Первые пѣсни наши выходятъ рѣдко и робко, подобно тому, какъ подъ суровою весною нашей родины изъ подъ снѣгу вырастаетъ первая «вѣтрянка», но эти первые весенніе цвѣты тѣмъ дороже. Мы полагаемъ, что наши земляки съумѣютъ оцѣнить эти пѣсни своего поэта. Онъ будетъ дорогъ для насъ тѣмъ, что съумѣлъ пробить себѣ дорогу, занять мѣсто въ русской литературѣ, доказавъ, что и наша земля не бѣдна дарованіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забылъ родины, но сохранилъ къ ней горячую привязанность.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Графъ Кальноки въ комиссіи венгерской делегаціи, въ своихъ разъясненіяхъ по вѣдѣнной политикѣ, выразилъ, что союзъ съ Италіею и Германіею поставленъ на прочныхъ основаніяхъ, что нѣкоторые недоразумѣнія съ Румыніею по дунайскому вопросу улаживаются и что съ Турціею Австрія поддерживаетъ непрерывныя дружескія сношенія, что же касается до Россіи, то министръ президентъ находятъ отношенія Австріи къ этому государству нормальными вопреки дѣйствию русской печати. Министръ убѣжденъ, что существующее противъ Австро-Венгріи раздраженіе ограничивается весьма тѣсными кружками. Мнѣніе, будто-бы Россія замышляеть агрессивную войну, онъ считаетъ совсѣмъ не вѣрнымъ не только вслѣдствіе внутреннихъ условій Россіи, но также и потому, что въ случаѣ, если-бы такое нападеніе послѣдовало, Австро-Венгрія не была-бы предоставлена одиѣмъ собственнымъ силамъ. Министръ не отрицаетъ, что въ Россіи проявляютъ усиленную дѣятельность въ военной области, но противъ укрѣпленія, воздвигаемыхъ государствомъ въ собственныхъ предѣлахъ, возраженій не допускается. Послѣ состоявшейся ратификаціи желѣзнодорожной конвенціи первую заботу австрийскаго правительства является построика дорогъ. Въ Константинополѣ, Сербіи, Румыніи и Болгаріи вопросъ объ этомъ уже поднятъ. Въ Австріи полагаютъ, что Болгарія должна скрыть свои крѣпости и выплатить Турціи дань, до сихъ поръ не уплаченную. Въ бюджетъ на 1884 годъ предложено ассигновать на чрезвычайные расходы 8.172,922 гульдена, на обыкновенные военные расходы 103.763,944 гульдена, и на чрезвычайные военные расходы 8.120,672 гульдена. Президентъ австрийской делегаціи, князь Карлъ Чарльскій, въ своей рѣчи относительно военнаго бюджета выразилъ, что при обсужденіи его, делегація можетъ принимать въ соображеніе финансовое положеніе государства, но не должна увлекаться миролюбивымъ настроеніемъ и обязана ассигновать средства, безусловно необходимыя монархіи для защиты чести, интересовъ и правъ своихъ народовъ. Эта часть рѣчи вызвала безусловное одобреніе со стороны членовъ.

— Въ Берлинѣ, по поводу паденія русской валюты и русскихъ фондовъ дѣлаются довольно странныя комментаріи. Печать нѣмецкая, устами „National Zeitung“, говоритъ, что напрасно въ Россіи полагаютъ, будто серлинская биржа врагъ русскаго государственнаго кредита и завѣдомо подавляетъ его, представляя собою выразительницу цѣлей, преслѣдуемыхъ германской политикой. Паденіе русскихъ фондовъ вызывается, на самомъ дѣлѣ, слышимъ и страстнымъ обсужденіемъ русскою печатью вопросовъ иностранной политики, Германія, обладающая миллиардами русскихъ цѣнностей, не можетъ стремиться къ искусственному обезцѣненію своей собственности. Официальный русскій органъ „Journal de St-Petersbourg“, возражая противъ выходки „National Zeitung“, между прочимъ говоритъ, что пререканія ни къ чему не

ведутъ и что, если у насъ и есть газеты, къ которымъ примѣнимы строгія сужденія нѣмецкой печати, то съ другой стороны грѣшати и въ Берлинѣ. Намъ русскимъ постоянно приходится бороться съ самыми недѣльными выдумками иностранной печати относительно Россіи, такой печати, гдѣ часто смѣшное оспариваетъ пальму первенства у гнуснаго. Примѣромъ гнуснаго „Journal de St-Petersbourg“ ставитъ клевету нѣмецкихъ газетъ, которыя увѣряютъ, что нѣкоторые французскіе органы печати, сочувственно относящіяся къ Россіи, подкуплены ею. Между Берлиномъ и Петербургомъ существовалъ обычай, въ силу котораго при назначеніи новаго уполномоченнаго одной страны предоставлялось право военно-уполномоченному другой отъ имени своего государя предлагать троихъ кандидатовъ. Въ настоящее время, при назначеніи преемника генералу Вердеру обычай нарушенъ. Русскому военному уполномоченному князю Н. С. Долгорукову не было предоставлено обычное право. Союзникъ германскій советъ, на основаніи закона о социалистахъ постановилъ продлить малое осадное положеніе въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Альтонѣ и окрестностяхъ до 30 сентября 1884 года. Въ городѣ Эйзенахѣ состоится въ ноябрѣ первый большой сѣздъ германскихъ крестьянъ для обсужденія вопросовъ касающихся интересовъ земледѣльческаго класса. Вслѣдствіе запрещенія германскимъ правительствомъ ввоза свинины изъ другихъ государствъ, жители принуждены были употреблять въ пищу исключительно мясо мѣстныхъ животныхъ. Результатомъ этого по всей Саксоніи распространилась трихинная болѣзнь.

— Греческіе король и королева недавно были въѣздомъ въ Вѣнѣ. Благодаря этому факту австрийская печать посвѣтовала Греціи присоединиться къ австро-германскому союзу, въ которомъ она найдетъ свое единственное спасеніе. Всѣ греческія газеты официальные и неофициальные, либеральныя и регрессивныя, единодушно поспѣшили отчуждаться отъ непрошеннаго и нежелательнаго покровительства.

— Португальскіе крестьяне просили отмены пошлинъ на хлѣбъ,—заявленіе ихъ было оставлено торговою палатою безъ вниманія, вслѣдствіе чего бѣдняки возобновились и выразили свое неудовольствіе въ мятежѣ. Вѣзванія власти, послѣ перваго паническаго страха, собрали и выставили войска. Происходили стычки. Собственно говоря, индифферентность торговою палаты къ просьбѣ крестьянъ была только послѣднею каплею, наполнившею чашу горечи. Португальскіе крестьяне влчатъ печальное существованіе. На сѣверѣ государства, поземельная собственность до того размельчена, что крестьяне постоянно эмигрируютъ въ Бразилію и другія части Южной Америки. Въ южныхъ провинціяхъ огромныя пространства земли захвачены съ давнихъ временъ нѣсколькими знатными фамиліями, крестьяне же кормятся въ качествѣ батраковъ и подчинены полному произволу богатѣй. Во время возстанія толпа требовала аграрныхъ реформъ. Слышались ругательства на существующее правительство. Раздавались крики: «Да здравствуетъ республика!»

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, по словамъ „Нов. Вр.“, внесло въ кахановскую комиссію чрезъ своего представителя, г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, новый проектъ реорганизаціи мѣстныхъ управленій. По слухамъ, проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ представляетъ совершенно самостоятельныя труды, во многихъ отношеніяхъ расходившіяся съ принципами, легшими въ основу проекта, разработаннаго комиссіею подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова.

— Министерство государственныхъ имуществъ предполагаетъ учредить новый юго-западный горнозаводскій округъ, въ вѣдѣніе котораго должны войти горные промыслы въ губерніяхъ—Черниговской, Киевской, Волинской, Подольской, Таврической, Херсонской и Вессарабской („Нов. Вр.“).

— Высочайше повелѣно въѣмъ вообще лицамъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, учебно-воспитательнаго и административнаго составовъ сибирскаго и тифлискаго кадетскихъ корпусовъ и Иркутской, владикавказской и омской (до ея упраздненія) военныхъ прогимназій, за исключеніемъ зрителей домовъ первыхъ двухъ заведеній, предоставить право на получение прибавочнаго жалованья за выслугу пятилѣтій въ Сибирскомъ и Кавказскомъ краяхъ.

— „Новое Время“ слышало о передачѣ министерству народнаго просвѣщенія начальныхъ училищъ Алтайскаго и Черниговскаго горныхъ округовъ, состоящихъ въ настоящее время въ вѣдѣніи кабинета Его Императорскаго Величества.

— Г. министр народнаго просвѣщенія, желая насколько возможно оградить учащуюся молодежь отъ вліянія людей, которые, подъ видомъ доброжелательства къ студентамъ приписываютъ имъ существенный вредъ, отклоняя ихъ отъ прямыхъ цѣлей высшаго образованія, предлагая почитателямъ учебныхъ округовъ разъяснить студентамъ: 1) что они, пока находятся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, суть не какіе либо политическіе дѣятели, а только учащіяся, которые продолжаютъ ученіе, коего основанія получены ими въ низшихъ и среднихъ школахъ; 2) что поступаая въ учебное заведеніе, на основаніи установленныхъ и заранѣе предъявленныхъ имъ правилъ, они тѣмъ самымъ обязываются исполнять ихъ, а въ случаѣ нежеланія исполнять или признанія этихъ правилъ для себя отягчительными, могутъ оставить учебное заведеніе, и 3) что всякіе съ ихъ стороны заявленія, требованія и буйства могутъ имѣть лишь весьма печальныя для нихъ самихъ послѣдствія, такъ какъ по необходимости должны вынудить правительство съ болѣею еще настойчивостью требовать непримѣннаго исполненія тѣхъ постановленій, которыя признаны имъ полезными, а равно и карать тѣхъ изъ учащихяся, которые имъ не подчиняются и участвуютъ въ какихъ-бы то ни было противъ нихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ.

— Въ непродолжительномъ времени при императорской академіи наукъ начнется печатаніе трехъ словарей: 1) древне-русскаго, составленнаго покойнымъ И. И. Срезневскимъ; 2) литовско-русскаго и 3) архангельскаго нарѣчія. („Нов. Вр.“)

— На имя одного изъ высокопоставленныхъ лицъ подучено недавно коллективное прошеніе отъ помѣщиковъ-земле-владѣльцевъ и крестьянъ Тверской губерніи, въ которомъ они просятъ ходатайствовать объ открытіи вновь женскихъ врачебныхъ курсовъ. По словамъ „Новаго Времени“, преобладающія подписи—крестьянъ, мотивируется прошеніемъ той несомнѣнной пользой, которую приноситъ женщина-врачъ въ провинціи. Это фактъ не единственный: подобныя же прошенія получены и изъ другихъ губерній.

— „Русскимъ Вѣдомостямъ“ пишутъ изъ Ярославля, что окончившая курсъ врачебныхъ наукъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, стипендиатка ярославскаго уѣднаго земства, Екатерина Федоровна Сферина, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, допущена до занятій медицинскою практикою въ Ярославской губерніи.

— Изъ Ташкента Сѣверное телеграфное агенство передаетъ, что учреждается для туземныхъ женщинъ и дѣтей лечебница съ исключительно женскимъ медицинскимъ и прислуживающимъ персоналомъ.

— По сообщенію „Минута“, 6 октября въ Государственномъ совѣтѣ, въ департаментѣ законовъ, обсуждался новый университетскій уставъ, проектъ котораго былъ внесенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Пренія, говорять, были очень оживленныя. Во главѣ защитникомъ проекта былъ И. Д. Деляновъ, оппозицію предводительствовалъ статсъ-секретарь А. В. Головинъ. Судьба проекта рѣшится окончательно только на общемъ собраніи департаментовъ Государственного совѣта и теперь развязка, конечно, не заставитъ себя долго ждать. „Минута“ предполагаетъ, что присутствіе въ настоящее время въ Петербургѣ г. Каткова имѣетъ близкое касательство къ этой важной законодательной работѣ и, хотя онъ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что за-

щитниковъ стараго университетскаго устава уже болѣе не осталось, но, какъ видно, онъ ошибся и университетская реформа пройдетъ не безъ борьбы. Что окончательная побѣда останется за министерскимъ проектомъ—въ этомъ, по мнѣнію названной газеты, нельзя сомнѣваться, хотя, конечно, возможно, что проектъ этотъ будетъ въ известной степени видоизмѣненъ.

— Въ предпоследнемъ засѣданіи С.-Петербургской думы было доложено собранію сообщеніе градоначальника слѣдующаго содержанія: городская дума постановила расходы по провозу тѣла И. С. Тургенева отъ Вержолова до С.-Петербурга, а также на погребеніе его, принять на городской счетъ, для чего потребную сумму, примѣрно до 3,000 руб. отустать въ комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. По соображеніи приведеннаго постановленія городской думы съ закономъ, г. градоначальникъ, признавая постановленіе городской думы объ ассигнованіи 3,000 рублей на покрытие расходовъ по перевозу тѣла покойнаго писателя И. С. Тургенева въ С.-Петербургъ и по погребенію его, нарушающимъ 140 ст. гор. полож., и сдѣлавъ, на основаніи ст. 151 гор. пол., распоряженіе о передачѣ такового постановленія на разсмотрѣніе присутствія по городскимъ дѣламъ, проситъ, на основаніи 155 ст. того же положенія, приостановиться приведеніемъ сего опредѣленія въ дѣйствіе на мѣсячный срокъ, считая таковой съ 29-го сентября сего года. По выслушаніи протеста г. градоначальника объ ассигнованіи со стороны думы этихъ 3,000 рублей, гласный М. А. Ратьковъ-Рожновъ, по словамъ „Нов. Времени“, предложилъ увѣдомить г. градоначальника о томъ, что деньги эти уже выданы думою обществу пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

— 29-го сентября, какъ сообщаютъ „Спб. Вѣд.“, въ засѣданіи мѣнскаго земскаго собранія изъ 16 гласныхъ, гласный Г. Куржия, заявивъ собранію о кончинѣ И. С. Тургенева, предложилъ отслужить панихиду и затѣмъ открыть подписку на памятникъ ему. На это предложеніе предсѣдатель собранія, господинъ Тиньковъ, отвѣтилъ: „Достоинѣе его людямъ не дѣлать памятниковъ и Филарету московскому не служили панихиды“, а потому предложилъ перейти къ очереднымъ занятіямъ.

— На дняхъ проф. Э. Э. Эйхвальдъ протислся съ своими слушателями, которые устроили ему громкую овацію и проводили его до кареты. („Врачъ“).

— 16 октября состоялось празднованіе 50-ти лѣтняго юбилея перваго въ Россіи медицинскаго общества, носящаго названіе „Общество русскихъ врачей“ и руководимаго въ настоящее время С. П. Боткинскимъ. Произнесено было тѣлескопическія профессорами Ивановскимъ, Боткинскимъ, Андреевскимъ и друг. Было множество депутацій отъ медицинскихъ обществъ и корпорацій, между прочимъ и отъ женщинъ врачей и отъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.

— Г-жа Гончарова, о путешествіи которой по Африкѣ сообщали газеты, должна въ началѣ будущаго года возвратиться въ Россію и посѣтить нашу столицу, гдѣ ею въ одномъ изъ ученыхъ обществъ будетъ сдѣлано нѣсколько публичныхъ сообщеній о своемъ путешествіи.

— Въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано объявленіе редакціи: „Опять изданія при новыхъ цензурныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена наша газета распоряженіемъ г-на министра внутреннихъ дѣлъ съ 5-го августа, убѣдиль насъ въ необходимости измѣнить существовавшія доселѣ программу и внѣшнюю форму изданія. Въ связи съ этимъ предполагаются перемѣны въ составѣ редакціи. Все это заставляеть насъ на время приостановиться дальнѣйшимъ выпускомъ номеровъ. Если предположенія наши объ этихъ измѣненіяхъ осуществятся, мы не замедлимъ возобновить изданіе; въ противномъ случаѣ, прекративъ его совсѣмъ, мы предоставимъ г-дамъ подписчикамъ получить обратно часть подписанныхъ денегъ, причитающуюся имъ за время приостановки. О томъ или другомъ исходѣ мы надѣемся увѣдомить нашихъ читателей не позже 15 ноября сего года“.